ПИОНЕР

ИЮЛЬ Издательство «Правда». 1949 г. 7

№ 7
ИЮЛЬ
1949 г.

ПИОНЕР

*Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ*

ЧЕРТЕЖ НА ПЛАНЕТЕ

Елена Сегал

Огромный дом построит наш народ,
Зелёный дом для ржи и для пшеницы,
Чтоб вычеркнули слово «недород»
Со словаря истрёпанной страницы.

Поднимутся курчавою стеной
Ряды дубов защитою от ветра.
Ну и стена! В сто метров толщиной,
Длиной во много тысяч километров!

И карта превращается в чертёж,
Где всё для глаз так странно, незнакомо.
Весь край степной становится похож
На план тысячекомнатного дома.

Черти, народ, гигантскою рукой
Не на листе бумаги — на планете!
Вся степь лежит чертёжною доской.
Такой чертёж с других планет заметен.

Зелёной тушью — зеленью ветвей —
Ты обозначь перегородки дома,
Квадраты пашен золотом залей
И голубою краской — водоёмы.

В природе соверши переворот,
Чтобы о нём потомки прочитали.
Пусть в летопись историк занесёт:
«Народ построил. План составил Сталин».

В берёзовом лесу

Н. Розенкноп

Наш лагерь был расположен в берёзовом лесу.

Мы приехали туда ранним утром. Сначала ехали по шоссе, потом по узкой лесной просеке, где нависшие ветки деревьев хлестали борта грузовика и не давали нам поднять голову. А потом въехали на широкую солнечную поляну. Здесь грузовик остановился. Перед нами, окружённый светлыми берёзками, стоял большой деревянный дом.

Ребята соскочили с грузовика и побежали в лес. А шофёр, поглядев на рюкзаки, лежавшие в кузове, сказал:

— Сразу видно серьёзного пассажира! Бросил свои вещички — и айда в лес! Ну, ребятня!

Он ещё сказал, что у него звенит в ушах от нашего пения. А мы действительно всю дорогу пели и очень старались.

— Эй! Сюда! Сюда!..— вдруг раздался крик из леса.

«Змея!»—тотчас мелькнула у меня тревожная мысль. Так кричат только при опасности.

Вместе с шофёром мы стремглав бросились в лес. И сразу встретили торжествующего Женю Петрова. Он нёс красивую чёрную бабочку с жёлтыми разводами на крыльях.

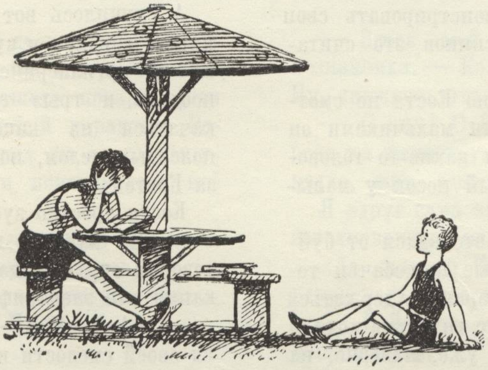
— Траурница! — сказал Женя. — Именно её мне и нехватало в коллекции...

А через пять минут, когда ребята собрались на поляне, оказалось, что все нашли то, что искали. Такие это были счастливые пять минут!

Нагружённые лесными подарками, ребята говорили уже о дальних походах, о таинственных тропинках, которые они заметили в лесу, о белках, живущих на елях, и о реке, которую надо перегородить плотиной. Но я сказала:

— Ребята, давайте сначала положим вещи на место.

Шофёр уехал в город, а мы остались, счастливые обладатели берёзового леса и всех его окрестностей.

Костя и Вовка

Где бы ни появился Костя Павлов, председатель совета первого отряда, за ним неизменно кралась и его маленькая тень—Вова Никифоров из младшего отряда.

Эта упрямая тень кочевала с футбольного поля на реку, с реки бежала в лес, из леса озабоченно мчалась к баскетбольной площадке, с площадки шла играть в шахматы. Вернее, не играть, а смотреть, как играет Костя. Но Костя никогда не замечал этих восторженных и верных глаз. Он, наверно, совсем бы не заметил мальчика, если бы тот ежеминутно не попадался ему на пути.

И Костя считал, что более надоедливого малыша, чем Вовка, мир ещё не видел. А Вовка изо всех сил старался подружиться с Костей, отличиться и стать достойным

его дружбы. Но выходило у Вовки всё наоборот. Во время матча с «металлистами» — пионерами соседнего лагеря,— когда мяч покатился под гору, Вовка стрелой ринулся за ним. Он ещё из-за кустов выбросил мяч на поле. А оказалось, что как раз торопиться и не нужно: счёт был в пользу наших футболистов, и они хотели протянуть время. Костя метнул на запыхавшегося Вовку сердитый взгляд.

Во время военной игры Вовка снова решил отличиться — и снова всё напортил. Он не был назначен в разведку. Но решил сам проявить инициативу и выполз на поляну за лесом. То-то он доложит Косте, начальнику штаба! А вместо этого Вовка попал в засаду, а там, где осталась его незащищённая позиция, «противник» устроил прорыв. Костя мужественно отбивался, ему удалось вывести свой штаб за овраг — в глубокий тыл. Но игра была проиграна.

Проходя твёрдым командирским шагом мимо пленного Вовки, Костя отвернулся: он не хотел видеть своего провинившегося солдата.

Два дня Вовка переживал это событие. Он не появлялся ни на футбольном поле, ни на волейбольной площадке. Костя вздохнул свободно. Но он и не догадывался, какие мысли зреют в вовкиной голове, какие героические подвиги предстоит ему вскоре увидеть. Он просто не знал Вовку.

А этот неугомонный человек только искал случая, чтобы загладить свою неудачную разведку. Такой случай скоро представился.

Дело было на реке. К малышам неожиданно пришли старшие мальчики. В их купальне исправляли мостик, и они решили купаться здесь.

Вовка, только что вылезший из воды, увидел Костю. И тут же снова бросился в воду. Вот уж никогда не думал он, что представится такая блестящая возможность продемонстрировать свои «сажёнки». Среди третьеклассников это считалось большим мастерством.

Вовка размашисто поплыл, но Костя не смотрел на реку. Вместе с другими мальчиками он кувыркался на берегу и делал какие-то головокружительные сальто. Чудесный песок у малышей!

А Вовка всё плыл. Он уже оторвался от буйной группы мальчишек, которые по-собачьи торопливо перебирали руками, стараясь удержаться на воде. А от тех ребят, которые тихонько ходили руками по дну, Вовка отплыл уже, наверно, на двадцать метров. Здесь было глубоко, «с ручками», и Вовка был преисполнен гордостью. Он немного испугался, когда щека его коснулась красного шара, означавшего, что дальше плыть нельзя, но тщеславие взяло верх. Костя сейчас, наверно, смотрит и спрашивает у всех: «Что это за мальчик плывёт так далеко? Что за молодец!» А тут, глядь, вылезает Вовка. Вот кто это плыл!

Но тут Вовка попал в быстрину. Течение подхватило его, и он закружился, как беспомощный котёнок.

Мало ли было на берегу хороших пловцов! Но жестокая судьба поручила именно Косте увидеть эту новую беду и вытащить Вовку на берег. Сильной рукой Костя схватил Вовку за волосы и протащил так и мимо ребят, которые плавали по-собачьи, и мимо тех, которые ходили руками по дну и поэтому не нуждались в спасении.

Костя оказался суровым спасителем. Он сердито вытащил Вовку на берег, уложил и безо всякого милосердия начал сгибать и разгибать его руки. Искусственное дыхание было необходимо, Вовка сам это знал. Но он не чувствовал себя таким уж пострадавшим, чтобы всё сносить.

Он начал вырываться. А тут ещё врач прибежал.

— Вот этого скверного мальчишку, — сказал Костя, передавая «утопленника» из рук в руки, — надо бы совсем не пускать на реку. Не умеет плавать, а лезет...

А сажёнки Костя так и не видел!

Вовка понял, что дружба с Костей погибла, ей никогда не расцвести. Молчаливый и печальный, он только издали поглядывал на костины удары по воротам, на его мастерские «пассы» через волейбольную сетку, на его высокие прыжки перед баскетбольным щитом... Какой это был замечательный человек, Костя, и каким ничтожеством чувствовал себя бедный Вовка!

Но однажды Вовка получил костино признание. Это было так неожиданно, что Вовка после этого весь день ходил, как шальной. Он был так полон радостью, что съел клубничное желе раньше каши, не оставив ни кусочка на закуску.

А случилось вот что. Костя сидел под полотняным грибком и зубрил грамматику: он готовился в артиллерийское училище. Вовка сидел поодаль и грыз травинку. Он мог бы сейчас качаться на качелях или заняться другим полезным делом, но Вовка всё ещё иногда ходил за Костей...

Костя яростно зубрил.

— Ну как это пишется? — нетерпеливо проговорил он, обращаясь к берёзке.— Электрофикация или электрификация? Авиа или авио?

— «А»! «И»! — пискнул Вовка; он испугался своей смелости и упал в траву.

— «А»! «И»!—раздумчиво повторил Костя.— Откуда ты знаешь? Ну-ка, кто там? Вылезай!

Вовка, бледный, поднялся на ноги. Он даже не мог представить себе, что сейчас будет. Искусственное дыхание глубоко врезалось в его память. Но Костя с интересом посмотрел на него:

— А! Вовка! Ну, скажи, пожалуйста: почему ты думаешь, что надо писать электрификация?

— Сложные слова обычно образуются, — затараторил Вовка,— посредством соединительных гласных «о» и «е», но иногда сложные слова образуются без соединительной гласной. В слове электрификация на «и» оканчивается корень — это не соединительная гласная...

Вовка был очень старательным учеником, он все правила знал твёрдо.

Костя сказал:

— Мы тоже, наверное, когда-нибудь всё это проходили, но сейчас я не помню. И ты тоже забудешь,— пообещал он.

— Никогда! — горячо возразил Вовка. — Я каждый день их повторяю, эти правила, зимой, конечно...

— А про суффиксы что ты знаешь?

Оказалось, что Вовка и про суффиксы знал решительно всё.

— Ну и память! — проговорил Костя.

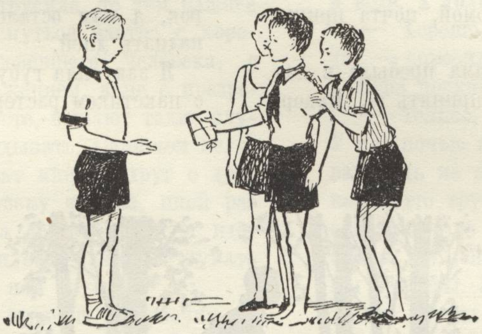
Первый раз он посмотрел на Вовку так, как тот давно заслуживал.

И вместо надоедливого и незадачливого малыша, каким Костя всегда считал Вовку, он увидел перед собой крепкого, загорелого мальчишку, который за лето дорос ему чуть не до плеча. А глаза у этого мальчишки были синие, ясные и такие любящие, что Косте вдруг стало совестно: как же он не замечал этих верных глаз!

— А ты здорово вырос за лето, Вовка! — проговорил он, всё ещё удивляясь.— Только брось ты эти глупости — не плавай далеко... Знаешь, какой со мной был случай?

Так произошло то, о чём всё лето тосковало нежное вовкино сердце. Костя заговорил с ним просто, по-дружески, так, как говорят между собой настоящие товарищи...

Вот почему Вовка за ужином и не заметил, как проглотил клубничное желе.

Почтовые марки

Был жаркий солнечный день. Врач запретил нам идти по солнцепёку — пришлось отложить поход в Красково. Теперь все ребята были в лесу. Каждый отряд строил там свой шалаш.

Я только что вернулась из леса и пошла на кухню. Ребята просили меня взять у повара большой кухонный нож: нож был нужен на строительстве. Но после потери маленькой кухонной мисочки у нашего повара, дяди Володи, развился подозрительный характер. Ребята предполагали, что он вряд ли легко выпустит из рук нож. Поэтому и понадобилось моё вмешательство.

Однако не успела я дойти до кухни, как меня догнал пионер первого, дежурного отряда. Он запыхался, и речь его выглядела примерно так:

— Вера! Я! Вас! Всюду! Ищу!

— А что случилось?

— Приехала женщина. Из города, — сказал дежурный, связывая уже по два слова.

Надо сказать, что наш лагерь был в глуши, далеко от железной дороги. Гости навещали нас редко. Поэтому каждый приезд был событием. Я поспешила к воротам.

У ворот лагеря стояла незнакомая женщина. У неё было худое, измождённое лицо. То ли от загара, то ли от волнения оно горело красными пятнами. Одежда её была покрыта пылью.

— Здравствуйте! — сказала я. — Вам нужен начальник лагеря или я, старшая вожатая?

— Здесь мой мальчик, — быстро ответила незнакомка. — Коля Чепраков. Вы его знаете? Ну, скажите: что с ним?

— С ним? С Колей? — я недоуменно посмотрела на женщину. — По-моему, ничего, всё в порядке, жив, здоров. А что?

Я вдруг сама забеспокоилась, такой у неё был взволнованный вид.

«Да был ли Коля сегодня на линейке?» — вдруг мелькнула мысль.

— Пойдёмте, — сказала я, — сейчас позовём вашего сына.

Мы пошли по аллее. А я между тем всё вспоминала: был Коля на линейке или нет? Всех ребят я ясно помнила, словно шеренгу обходила, а Колю вспомнить не могла.

Ребята узнали о приезде колиной мамы. Из леса донеслись крики:

— Коля Чепраков! Иди! Мама приехала!

— Идёт! — громко возвестили ребята появление Коли.

Мать кинулась к мальчику, стала целовать его лоб, глаза.

— Три недели! Три недели!— твердила она.— Почему ты не писал? Ни слова, ни строчки!.. Я чуть не умерла от беспокойства.

Коля густо покраснел.

— У меня марок не было,— ответил он.

— А я-то, я-то что думала!.. Наконец с работы отпросилась... Такие ужасы снились: и утонул и заболел. Ну, как ты тут, сынок? — спрашивала она, заглядывая в хмурые глаза сына.

— Пойдём в лес, мама, — сказал Коля: ему было неприятно, что ребята слышат этот разговор.

— Сколько же она километров прошла? — задумчиво спросил один мальчик, глядя вслед Коле и его маме.— Двенадцать? Нет, все пятнадцать, она ж не через лес шла, наверно, а по дороге — там верных пятнадцать.

— «Нет марок»! Вот глупости! Да у почтальона полно марок — и по двадцать, и по тридцать копеек, и по рублю для авиапочты. Да что! У тех, кто хочет послать весточку домой, почта принимает и доплатные.

До самого вечера колина мама пробыла в лагере. Мы постарались хорошо принять её. Накормили обедом, уложили отдохнуть. Девочки принесли ей на дорогу корзиночку свежей земляники. У нас у всех было чувство какой-то неловкости перед этой усталой женщиной. Так бывает: сделает один человек что-нибудь дурное, а другим стыдно за него, словно они сами виноваты. Так и нам было стыдно за Колю и за те мучительные три недели, которые провела его мама. Мальчики из первого отряда даже бросили свой любимый футбол и вызвались проводить колину маму на станцию по короткой дороге. Коля идти не смог: он наколол ногу.

Когда мальчики вернулись, Коля тотчас подскочил к ним: мама обещала ему купить на станции конфет. Но вместо конфет мальчики подали ему аккуратно сложенный плоский пакетик.

— Что это? — удивился Коля.

— Марки, — невинно ответил Костя Павлов. — Твоя мама просила нас купить конфеты, но мы решили, что марки тебе нужнее. Ведь, правда? Теперь ты сможешь каждый день писать письма.

— Даже по два в день, — серьёзно подтвердил Алик Пирогов. — Потому что здесь тридцать марок, а нам осталось жить в лагере всего пятнадцать дней.

Я закусила губу, чтобы не засмеяться. А Коля с пакстиком растерянно побрёл в спальню.

Ночной случай

Около террасы девочки мыли перед сном ноги. Я проходила мимо и услышала спор:

— Трусиха! Да, ты трусиха!

— Неправда, я просто испугалась, когда там зашуршало...

— Я не испугалась, и никто не испугался. А ты испугалась. Ты вся белая была, все девочки скажут...

Наступило молчание. Должно быть, девочке нечем было оправдаться. Кто-то крепко закрутил кран, и вода перестала литься. По лестнице зашлёпали тапочки. Кто-то остановился на террасе.

— Пора спать, — сказала я, подходя к террасе. — А ты, девочка? Почему ты не идёшь в спальню?

Невидимая в темноте девочка легонько вздохнула.

— Иду,— сказала она и проскользнула в дверь.

Услышанный разговор взволновал меня: я понимала, что так просто он не окончится. Вряд ли девочка, которую обвинили сейчас в трусости, уснёт спокойно. И, возвращаясь после обхода, я снова подошла к террасе третьего отряда. Как я и думала, девочки не спали.

Из раскрытых дверей спальни доносился взволнованный шопот. Должно быть, там ещё переживали дневное происшествие. Я часто замечала, что случаи, даже самые мелкие, становятся необычайно значительными, если в них вдруг проявляется характер человека.

В данном случае звено сердилось на свою пионерку.

Вдруг до меня долетел беспокойный, звенящий голосок:

— Хотите, я сейчас, сию минуту, побегу к реке? Встану и побегу! Ну, что вы тогда скажете? Я не боюсь.

— Спи лучше: там комары летают. Ещё испугаешься, — прозвучал насмешливый ответ.

— Уже был отбой, — пробормотал чей-то сонный голос.

По кровать скрипнула, и я ясно услышала, как зашелестело платье: девочка одевалась.

«Да что за ерунда! — сердито подумала я. — Что я стою и слушаю? В одиннадцатом часу ночи, после отбоя, девочка побежит одна к реке! Глупости!»

Я было шагнула вперёд, чтобы запретить это безрассудное предприятие, но неожиданно остановилась. Я ясно представила себе, что не её, эту девочку, а меня кто-то назвал трусихой. Да разве я смогла бы это перенести, спокойно проглотить самую горькую из всех обид? Никогда! Так какое же право я имею остановить девочку сейчас, в тот момент, когда над ней висит жестокое оскорбление? Она так горячо, с таким отчаянием хочет стереть, смыть его с себя. Что она там сделала днём, я не знаю, да и знать не хочу. Если она действительно струсила, то тем важнее дать ей возможность проснуться завтра с хорошим ощущением выздоровевшего человека, с ощущением победы, с уважением, а не с презрением к самой себе. И, знаете, бывают такие случаи, когда не стоит откладывать. Слишком легко порой укореняются у ребят мнения друг о друге. Как пристанет к человеку кличка, иной раз и несправедливая, так на долгое время и идёт за ним. А человек уже и сам начинает думать о себе так, как думают о нём другие.

«Но ведь я вожатая, я отвечаю за девочку, за распорядок дня — не могу я позволить ей ночью бежать к реке! — спорила я с собой. — Ведь она действительно может там испугаться! Да и тропинка к нашей реке идёт под гору, крутая, крутая. Разбежишься — так до самого берега не остановишься».

— А чтобы вы знали, что я не соврала, так вот я беру носовой платок. Слышите? Я обмакну его в реку и принесу. Ну!..

В спальне было тихо. Девочка пробежала мимо меня. А я пошла за ней. Не могла же я пустить её одну! Ночь была чёрная, я незаметно спустилась к реке. Тёмная вода слегка поблескивала у берега, белый платок промелькнул, как рыбка. Девочка вытащила его и стала подниматься в гору. Неясные тени мелькали среди деревьев. Должно быть, ветер шевелил листву мелкого кустарника.

Но девочка шла в гору смело, уверенно, пожалуй, даже гордо.

Так закончилось это ночное происшествие. А утром на линейке не оказалось вожатой первого звена третьего отряда Веры Толмачёвой. Она прибежала с опозданием, вся красная, запыхавшаяся. На мой вопрос, почему она опоздала, Вера смущённо ответила:

— Тапочку потеряла на реке...

Вот новость! Бегать одним купаться было у нас запрещено. И что же, вожатая звена, оказывается, отправилась на реку! Я строго приказала Вере остаться после линейки. Но странный у нас вышел разговор! Вера, честная и прямая девочка, на этот раз вела себя необычно. Она уверяла меня, что не купалась, даже руки не полоскала в воде, а только искала тапочку.

— Хорошо, но как же тапочка попала туда? — спросила я, удивлённая и рассерженная.

Вера посмотрела на меня и сказала:

— Только, пожалуйста, никому не говорите. У нас ночью вышел один случай. Одна девочка — вам ведь не важна её фамилия, да? — она была как будто трусихой, так все думали про неё. Мы сказали ей об этом, тогда она обиделась и решила сейчас же пойти к реке. Она хотела доказать, что мы неправы. Это было ночью, после отбоя. И она пошла. А мы подумали, что она там одна испугается или упадёт. Ночью ведь, правда, страшно? Тогда мы, трое, тоже встали и пошли, но так, чтобы она нас не видела и думала, что была одна. А если б что-нибудь случилось...

— И ты там потеряла свою тапочку? — сказала я, припоминая неясные тени, мелькавшие на горе, поросшей кустарниками. — Понимаю.

Да, хорошие девочки у нас в первом звене! Только с тех пор в их комнате спит вожатая: мало ли что им вздумается, этим девочкам!

Стихи В. Донниковой

Рис. Н. Лапшина

Летний вечер

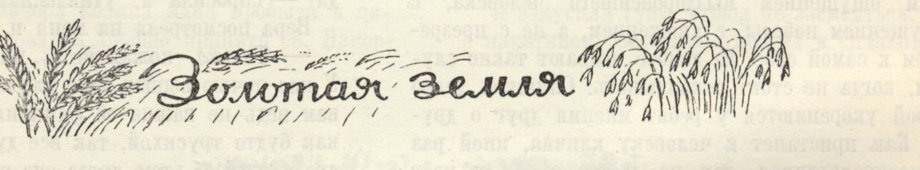
Дымок приветливый среди берёз
Уютно стелется над новым кровом.
Как в сказке, возрождается колхоз,
Окрепший в испытании суровом.

За новой хатой высится копна,
В росе прохладной отдыхают травы.
Печёным хлебом тянет из окна,
Домой спешат утята из канавы.

Идут коровы медленным шажком,
У изгороди сгрудились ягнята,
Запахло свежим тёплым молоком,
Полынью у ворот примятой.

Воруют куры пареный ячмень
И ссорятся у влажного корыта,
И полон солнца уходящий день,
Спокойный и по горло сытый.

Наполненный росистой теплотой,
На миг застыл он розовым туманом
И, застревая в зелени густой,
В траву скатился яблоком румяным.

Золотая земля

Всё поспевает на щедрой земле,
В солнечном свете весь день загорая;
Поле колышется в летнем тепле...
Всё золотое от края до края.

Клонится, зрелым зерном отягчён,
Колос, окрепший под ливнем и громом,
И, разогретый горячим лучом,
Золотом стелется по золотому.

В дыне сгустился медовый настой,
Жёлтый подсолнечник солнышком светит,
Тыква блестит кожурой золотой,
В пыль золотую бросается ветер —

Всё золотое, всё в зное блестит:
Поле, плоды и травинка простая.
Не оттого ли, что нам их растит
Наша земля золотая?

Подсолнечник

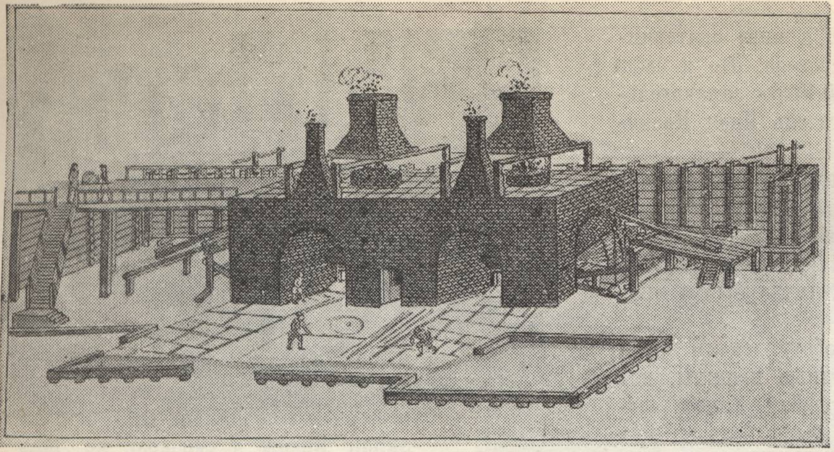
Никто не сажал и не сеял его,
Откуда он взялся на грядке?
Он вырос на ней ни с того, ни с сего,
Играя с ребятами в прятки.

В курчавый горох он запрятать успел
И листья и крепкую ножку,
Но после грозы и дождя не стерпел
И стал вылезать понемножку.

Под ветром качнулся и в небо взглянул,
Где солнце большое блестело,
Шершавые листья к нему протянул
И венчик расправил несмело.

Но держатся крепко его корешки,
Денёк ему светит погожий,
Ещё не раскрылись его лепестки,
Но будут на солнце похожи!

И всякий, кто мимо забора пройдёт,
Тот скажет: «Живут здесь неплохо,
Раз солнце само золотое цветёт
На грядке с зелёным горохом!»

В таких печах 200 лет назад плавили металл на Урале. Эти печи мало похожи на современные, но в то время это были самые совершенные домны.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПАРОВОЙ МАШИНЫ

А. Некрасов **Рис. П. Рябова**

200 лет назад на Алтае, на Колывано-Воскресенских сереброплавильных заводах, появился новый человек. В первые дни, до того, как встать к делу, он ходил по шахтам, заглядывал в печи и в рудные толчеи, осматривал пристани и водяные колёса, мерил шагами плотины, говорил с работными людьми и с начальством, где спрашивал, а где и советы давал.

И хотя был тот человек незнатной фамилии и всего двадцати лет отроду, слушали его со вниманием, а в канцелярии записали полным именем—Иван Иванов сын Ползунов. На заводе все, с кем он ни встречался, сразу видели, что приезжий—не новичок в горном деле и во всяких заводских работах разбирается не хуже любого мастера. Но никто, конечно, не подозревал, что этот скромный паренёк на все века прославит Алтай, как родину одного из самых важных в истории человечества изобретений.

В то время не мечтал об этом и сам Ползунов, хотя, может быть, именно тут, приглядываясь к тяжёлой работе бесправных подневольных людей, он задумал «облегчить труд по нас грядущим».

Ползунов был знающим, передовым человеком. Таких, как он, в те времена на заводах было немного, и начальство скоро приставило нового работника к делу... А дела на заводах хватало.

Россия в те годы была мировой кузницей. В Туле и в Сестрорецке, в Карелии и на Украине, в Устюжне и на Волге курились домницы, пылали горны, стучали молоты искусных кузнецов, и сотни тысяч пудов выплавленного из руды металла превращались в разные изделия. Искусные русские мастера ковали тяжёлые корабельные якоря и звонкие топоры, лили чугунные котлы и бронзовые колокола с «малиновым звоном», чеканили монету из русского серебра, русским золотом украшали купола и знамёна. Но лучше всего делали в России оружие, и главным арсеналом страны был Урал. Ещё в полтавском бою под грохот уральских пушек шведы склонили свои знамёна; уральские ядра уже давно пробили широкие ворота в стене, веками преграждавшей России путь к морю, и торговые корабли из Петербурга возили в Европу уральский металл. Это был хороший, добротный металл, лучше шведского, и скоро сибирское железо с клеймом «Старый соболь» прославилось на весь мир не меньше, чем славились сибирские собольи меха. Англия, Франция, Голландия требовали русского железа, и Урал едва успевал справляться с заказами.

Каждый год вырастали новые домны, новые горны, новые кузницы и волочильные станы. На уральских заводах строили плотины и водяные колёса, в глухой тайге открывали новые богатые рудники, закладывали новые шахты. По всему Уралу шла большая стройка, и всего нужнее в те годы были там знающие люди—мастера горных, рудных и водяных дел. Таких людей ещё с петровских времён готовили на Урале, в специальных горных школах.

* * *

Это — клеймо «Старый соболь». Железо с такой маркой пользовалось заслуженной славой в Европе.

В одну из этих школ попал и солдатский сын Иван Ползунов. Но окончить курс ему не пришлось.

С 14 лет, прямо со школьной скамьи, он с головой окунулся в работу самого крупного

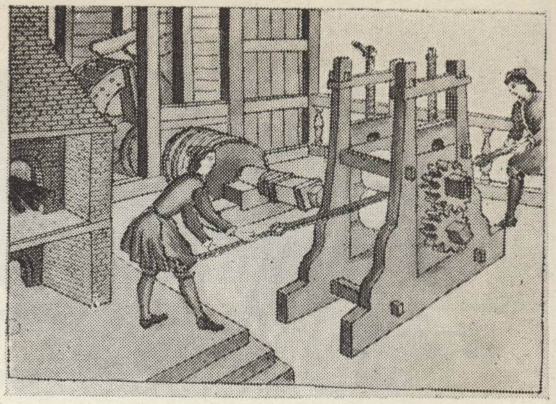
в то время, самого передового в мире екатеринбургского металлургического завода. Это и была та настоящая школа, в которой вырос замечательный русский механик-изобретатель Иван Иванович Ползунов.

Тогдашние заводы были вроде больших, беспорядочно построенных деревень. В отдельных избах ютились разные «фабрики»: якорные (там ковали якоря), сверлильные (там сверлили пушки), рудодробильные, проволочные, точильные и много других...

На фабриках почти всю работу делали вручную. Но были там и деревянные машины, или «махины», как их тогда называли. Таких «махин» на уральских заводах было больше, чем где-либо, и заводской механик едва успевал следить за ними. В помощь ему начальство назначило Ползунова.

С утра до ночи бегал он по фабрикам, сперва на посылках да на побегушках, потом с разными, всё более сложными поручениями, внимательно приглядываясь к делу. И хотя свободного времени оставалось немного, он успевал всё-таки выбирать время для чтения. А книг на его счастье на уральских заводах было достаточно. Ещё первый начальник заводов, петровский сподвижник Василий Никитич Татищев, оставил там свою, огромную по тем временам, техническую библиотеку. С тех пор все новые книги по технике регулярно доставлялись на Урал.

Когда Ползунов попал на Алтай, он, обосновавшись на новом месте, попрежнему всё свободное время отдавал чтению.

Сила воды помогала людям раскатывать кованые болванки в полосовое железо.

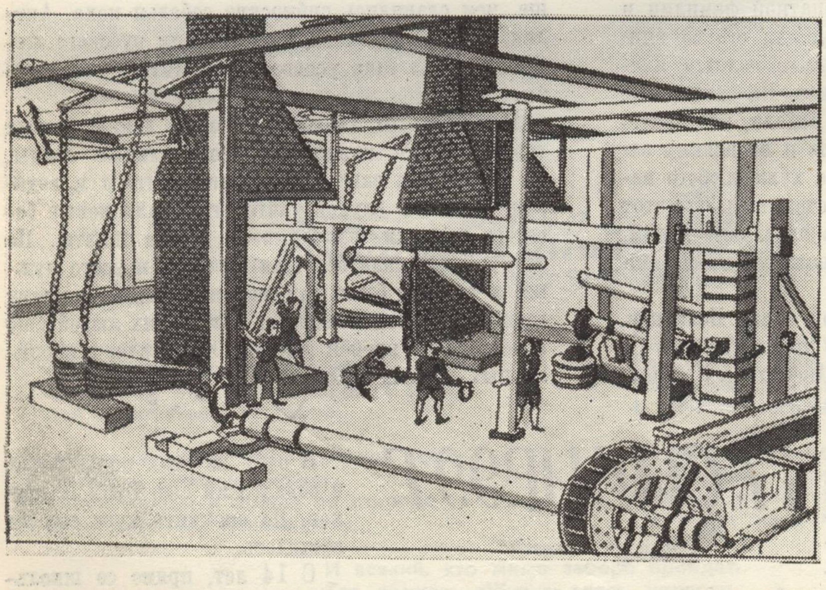
Впрочем, тут, как и прежде, свободного времени было немного. Заводы работали полным ходом, без остановок. От света до света, по четырнадцати—пятнадцати часов стоял Ползунов у печей на плавильной фабрике, вечерами при свете сальной свечки в тесной конторке сверял записи и расчёты, допоздна засиживался над чертежами с циркулем и с линейкой в руках.

И всюду, где только мог, он старался облегчить труд людей, заставить машину делать ту работу, на которой прежде гнул спину человек.

Самой сложной машиной в то время были часы, самым сильным двигателем—водяное колесо.

Русские механики понимали толк и в часах и в водяных устройствах. На уральских заводах им удалось сочетать силу водяного двигателя с точностью часового механизма. Огромные дубовые валы, окованные железными обручами, сцепляясь шестернями, по всем направлениям передавали силу падающей воды. Эта вода раздувала мехи, крутила станки, качала воду насосами, поднимала тяжёлые кузнечные молоты, похожие на боевые молоточки часов...

Да и сами уральские фабрики, с их бесконечными валами, шестернями, цепями, балансирами и барабанами, напоминали механизмы огромных башенных часов. И люди, приезжавшие на Урал, дивились и восхища-

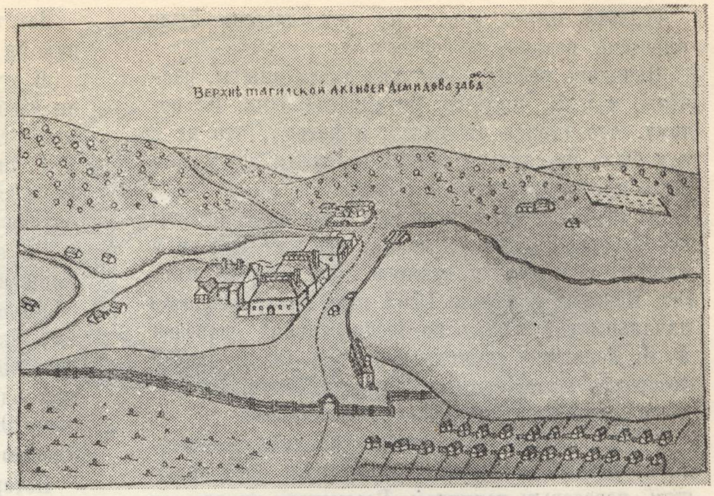

Посмотрите, как умело использовали русские механики XVIII века силу воды: сложная система валов, рычагов и приводов передаёт силу воды на меха, молоты и другие механизмы.

лись, глядя на слаженную работу сложных заводских механизмов.

Приезжие механики старались запомнить, перенять хитрые уральские устройства, чтобы у себя на месте заставить реки трудиться так, как трудятся они на Урале.

Немало таких механизмов, знакомых ещё по Уралу, построил и Ползунов на алтайских заводах. Но он не только строил, не только повторял уже известное: он размышлял, придумывал, рассчитывал... Он составлял проекты и чертежи, делал опыты и модели. Знания, полученные из книг, он проверял в жизни, применял к делу, и всё сильнее и сильнее овладевала им заветная мечта.

Нижне-Тагильский завод в 1735 году. Так его нарисовал художник того времени.

В то время крупный завод не мог работать без реки. Но сибирские реки капризны. Скованные трескучими морозами, они отдыхают целую зиму и, набравшись сил весной, так яростно разбивают ледяные оковы, так стремительно вырываются из тесных берегов, что трудно удержать их в повиновении. Они ломают плотины, сносят постройки, заливают посёлки и за несколько часов уничтожают труды многих лет. Чтобы удержать власть над ними, приходилось строить дорогие, тяжёлые плотины, высокие валы и дамбы, способные удержать весенние ледоходы, паводки... Зимой многие заводы совсем останавливались и терпели огромные убытки. Фабрики приходилось строить не там, где лежала руда, а там, где были удобные реки. Всю работу завода приходилось подчинять реке. Вот это «водяное руководство» Ползунов и задумал ослабить.

В 1754 году ему поручили построить лесопильную мельницу. И тут, на удивление всем, вместо того чтобы строить дорогую, мощную плотину, он построил лёгкую, дешёвую, а лесопилку вместе с водяным колесом отнёс далеко в сторону. Там при любом разливе ничто не угрожало постройкам и машинам, а воду к колесу он провёл по длинному узкому каналу. Это было очень просто, но так до Ползунова ещё никто не строил, и люди, приезжавшие на Алтай, только дивились на ползуновскую мельницу.

Заводское начальство сумело оценить смелый опыт. Ползуновское нововведение широко применяли на новых заводах, а сам Ползунов уже мечтал о другом... Он тогда же задумал «водяное руководство вовсе пресечь» и найти такую силу, которая могла бы заменить силу падающей воды.

* * *

В это время с обозом серебра его отправили в Петербург.

В Петербурге у Ползунова было много свободного времени. Он ходил по широким набережным многоводной Невы. Он смотрел, как спускают на воду новые корабли, как тяжёлые глыбы гранита тянут воротами и рычагами...

В Петербурге в тот год открылась Академия художеств, на берегу Невы строился Зимний дворец...

Было на что посмотреть человеку, приехавшему из Сибири! Но ничто не поразило Ползунова так, как мысли Ломоносова, с сочинениями которого Ползунов познакомился в Петербурге.

Здесь наконец он нашёл то, чего упорно искал в последние годы. И, покидая Петербург, он увозил в своей памяти слова Ломоносова о том, что «теплота возбуждается движением», что «сила упругости состоит в стремлении воздуха распространиться во все стороны», что «частички воздуха удаляются друг от друга и по устранении препятствий сам воздух расширяется сколь можно быстро».

Ломоносова знали в то время и у нас и за рубежом. В его сочинениях многие люди прочли эти слова. Но одни пропустили их мимо ушей, другие усмехнулись недоверчиво, третьи злобно сказали: ересь!

Нужно было быть математиком и конструктором, нужно было знать передовую теорию и жизненную заводскую практику, нужно было уметь строить машины и смотреть далеко вперёд, чтобы в мудрых словах Ломоносова найти дорогу к осуществлению заветной мечты.

Таким и был Ползунов.

Вернувшись на Алтай, в Барнаул, он смело пошёл вперёд по пути, указанному Ломоносовым, и до конца жизни уже не сворачивал с этого пути.

Теплота, огонь, пар — вот что должно было «пресечь водяное руководство».

Началась работа. Ползунов делал опыты, расчёты, модели, чертежи. Он работал один. Не потому, что таился от людей, а потому, что не с кем было поделиться своими мыслями, не у кого было просить помощи и совета.

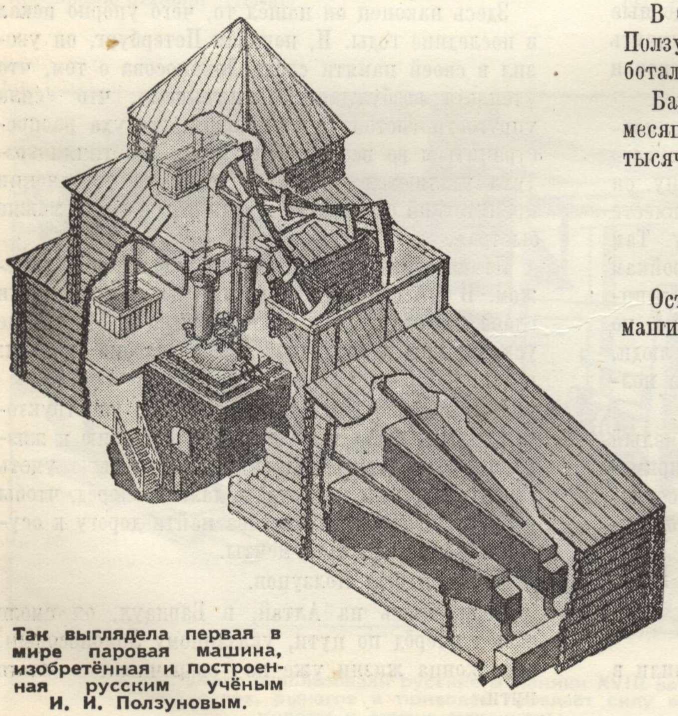
До глубокой ночи светилось окно в его избушке. С первыми лучами солнца его уже видели у машин, у печей, у станков. Так прошло пять лет. Наконец в апреле 1763 года Ползунов подал начальнику Колывано-Воскресенских заводов А. И. Порошину записку и чертёж. Он предлагал построить «огненную машину, способную по воле нашей, что будет потребно исправлять».

«Огонь слугою к машинам склонить»,—предлагал смелый изобретатель. Порошин был знающим, передовым техником. Рассмотрев проект, он увидел, что каждое слово в нём, каждый штрих подтверждены расчётами, опытами и глубокими научными изысканиями.

Порошин одобрил проект Ползунова и отправил в Петербург на заключение.

18 января 1764 года пришёл ответ. Президент берг-коллегии писал о машине Ползунова, что «сей его замысл за новое изобретение почесть должно...» Так оно и было: Ползунов изобрёл первую в мире паровую машину.

Теперь новая задача встала перед изобретателем—построить свою машину!

Так выглядела первая в мире паровая машина, изобретённая и построенная русским учёным И. И. Ползуновым.

Вот тут и помогла Ползунову та школа, которую он прошёл в цехах уральских заводов.

В эти дни он всё время что-нибудь изобретал: он изобрёл и построил необыкновенные, невиданные станки для расточки цилиндров; между делом он изобрёл воздуходувные цилиндрические мехи для печей и многое другое, что десятки лет спустя было «изобретено» вновь.

Он сам точил, ковал, шлифовал, сверлил отливы и испытывал.

Помощников у Ползунова не было. В помощь ему были даны «не знающие, но только одну склонность к тому имеющие из здешних мастеровых двое», Дмитрий Лезвин и Иван Черницын. Это были молодые ребята — ученики. Они многого не понимали.

Петербург торопил, и Ползунов, подорвавший здоровье, не спал ночами, чтобы уложиться в сроки.

Наконец больше сотни частей новой машины были готовы. Котёл вмазали в печь. На берегу заводского пруда выстроили девятисаженное здание «машинной фабрики». Первая в мире заводская паровая машина была готова.

Осталось сложить сереброплавильную печь и построить меха, для которых машина была предназначена.

Огромная работа подошла к концу, но к концу подошли и силы Ползунова.

16 мая 1766 года он умер от скоротечной чахотки. А ровно через неделю начались испытания машины.

В 6 часов утра 7 августа 1766 года машина Ползунова начала работать. Машина исправно работала до 10 ноября.

Барнаульские канцеляристы подсчитали: за три месяца машина Ползунова дала 12 с половиной тысяч рублей чистой прибыли...

* * *

Остановленная из-за течи котла осиротевшая машина долго ещё стояла в Барнауле. Порошин настаивал на возобновлении работы, но Петербург не разрешил продолжать дело Ползунова. К тому времени Ломоносов умер, и немцы, забравшие власть в Академии наук, подписали смертный приговор великому русскому изобретению.

Машину разрушили. Имя русского изобретателя надолго забыли и не вспомнили даже тогда, когда из-за моря пришла весть о том, что англичанин Уатт построил паровую машину. Это было в 1787 году, через 21 год после смерти замечательного русского учёного и механика.

Бабушкино море

С. Георгиевская

Рис. Н. Цейтлина

(Окончание.)

«Я буду скучать»

У вокзала стоят деревья с жёлтыми листьями. На дороге густые от грязи, тёмные лужи. Дорога размыта дождями.

Это осенний месяц октябрь.

К станичной платформе медленно подъезжает поезд.

Оттуда выходят женщины с бидонами. Прихрамывая, спускается по ступенькам вагона колхозный садовник. На спине у него большая корзина с грушами.

Посредине платформы стоит одинокий носильщик. На груди у носильщика поблескивает медаль «За оборону Одессы».

— Гражданочка, а не надо ли поднести чемодан? — говорит носильщик.

— Нет, нет, не надо,— отвечает носильщику человек в морской форме.

Женщина, которой носильщик хотел поднести чемодан, и моряк — лялины мама и папа. Они приехали в бабушкину станицу.

Молча идут они по широкой дороге, размытой дождями.

— Ну что? Скажи...— говорит мама.

— Да ничего, ничего же, Зая,— говорит папа и опять молчит.

Он смотрит на домики, на камышовые крыши в начале станицы, на глубокие колеи милой земли, по которой так давно не шагали его большие ноги.

Спешат на рынок женщины с бидонами.

Проезжает по краю дороги телега, нагруженная виноградом. На ней сидит молодая девушка в шерстяном платке. Она лузгает семечки и смотрит туда и сюда.

Телега вздрагивает. Из-под её колёс во все стороны брызжет грязь.

— А видно, что земля чернозёмная,— говорит папа...— Эх и богатый же край!

— Да, да,— говорит мама. Она задумалась.

Шуршат с обеих сторон дороги деревья. Шелестят сухими, редкими листьями. Ветер толкает ветки, отрывает от них листки. Взметнувшись, словно широко вздохнув в последний, в самый последний раз, лист становится дыбом на ветке. И вдруг подламывается. Он летит на дорогу. Кружится и падает. Там и лежит, жёлтовато-красный, и хочет опять взлететь. Да не взлететь ему больше: намок, отяжелел.

Долго идут лялин папа и лялина мама по осенней, размытой дождями дороге к бабушкиному дому. На дороге глубокие борозды — полосы от колёс телеги.

Вот дом с резными балконами. У дома толпятся мальчишки. Они шумят и сплёвывают на дорогу виноградные шкурки и косточки. Ветер с моря треплет ленточки их бескозырок.

Увидев, что по дороге идёт моряк, мальчики вытягиваются и опускают руки по швам. У них в руках зажат недоеденный виноград.

Моряк проходит, и все мальчишки, повернув головы, провожают его внимательным взглядом. Они успели заметить сияние золотых нашивок на его рукавах.

Опомнившись, они бегут за ним гуськом по дороге.

— Привет, орлы! — улыбнувшись, говорит папа и помахивает свободной от чемодана рукой.

...Вот «Центральный сад»... Под сухими, жёлтыми липами кто-то тонко играет на фистуле.

— Ты не устала, Зая? — тихо говорит папа.

— Нет, ничего, ничего,— отвечает мама, косясь в его сторону и чуть-чуть улыбаясь.— Я могу идти гораздо быстрее.

И они идут всё быстрей.

Вот наконец желтеет издалека широкая крыша колхозной конторы. Вот зелёный забор. К нему прибита всё та же, так хорошо знакомая папе табличка:

«Колхоз «Завет Ильича».

Под табличкой висит щиток.

— Погоди-ка, Зая, секунду...— говорит папа и останавливается.

— «Бригадир Сущёва Варвара, — бегло читает папа,— 308%.

Звеньевой Латыш Инокентий — 284%.

Ловец Мишур Надежда — 202%».

— Ну же, идём...— говорит мама.

— Не подкачала, не подкачала моя старушка,—смеясь, говорит папа. И, взяв маму за руку, идёт всё быстрее и быстрее к концу станицы, к самому морю, к бабушкиному дому.

Вот и море. Папа смотрит на море. Оно скучно-серое в этот осенний месяц. По самому краю моря тянется деревянный мост. У моста стоят катера. Из трубы огромной судоремонтной верфи валит в небо коричневый дым...

— Погоди-ка, Зая,— вдруг говорит папа и опять останавливается. Он смотрит на трубы в порту.

Папе хочется улыбнуться, но улыбка у папы выходит странная. Такая, словно что-то крепко и сладко сжало папино сердце. Ему хочется закрыть глаза и постоять, задумавшись и отвернувшись от всех. Постоять, да так, чтоб никто не увидел, как он задумался.

— Идём же, Зая! — говорит папа.

Они идут.

Вот наконец и бабушкин дом. Вот зелёные ставни на окнах бабушкиного дома.

— Да, так было и в последний раз,— говорит папа,— только крышу, видно, перекрывали, и дерево подросло во дворе.

С моря дует колкий, протяжный ветер и слышится гул. Мягко лопочут от ветра зелёные ставни бабушкиного дома.

— Четвёртый час,— говорит папа.— Матушка, верно, уже вернулась с рыбалки.

У забора сидят на корточках, наклонившись над лужей, три девочки.

— Даёшь концы! — хриплым голосом кричит черноволосая девочка.

— Трос крепи, крепи трос!—отвечает белоголовая.

В луже, к которой они наклонились, плавает лодочка.

— Чего зеваете! — кричит черноволосая девочка.— Трос крепите! Крепите трос,— никак не податься к берегу...

Услышав это, папа вдруг останавливается и ставит на землю свой чемодан.

...Вот так же, вот точно так же он тоже сидел на корточках у этого вот забора... Только тогда забор был некрашеный... И на его, на папином корабле был, как будто бы, другой парус... Не матерчатый, а газетный...

— Ну что, скажи? — говорит мама и осторожно берёт папу за руку.

— Да так...— говорит папа.

Он стоит в тени чужого дома, прислонившись к чужому плетню, и никак не может припомнить, какой был парус... «Нет, всё-таки, кажется, не матерчатый... Из газеты...»

— Сортируй чередом! — хриплым голосом кричит черноволосая девочка.— Как на танцы-баланцы, так вы мастера!

На чёрной девочке плотно застёгнутый армячок. В волосах у неё гребёнка с мелкими камешками.

— Ля-ля! — чуть слышно говорит мама.

Девочка поднимает голову и оборачивается.

— Мама! — кричит она и повисает на маминой юбке.

— А я? — говорит папа.

— Бабушка, бабушка, папа приехал!—на всю улицу кричит Ляля.

И вот из дома выходит бабушка.

— Константин! — говорит бабушка.— Костя!.. Костенька!

— Матушка! — говорит папа.

Они подходят друг к другу, и вдруг становится видно, что папа гораздо выше, чем бабушка, и что бабушка старенькая.

— Костенька! — повторяет бабушка.— Сынок! — и смотрит на папу.

— Успокойтесь, матушка,— говорит папа дрогнувшим голосом и обнимает бабушку.

Из всех окон по всей улице выглядывают хозяйки. Смотрят, как с бабушкой обнимается папа.

— К Варваре Степановне сынок приехал,— говорят хозяйки.— Меньшой, Константин. Так, видно, ноги у ей и подкосились. Ясное дело. Мать!

Папа тихонько проталкивает бабушку в открытые двери. Когда они вместе проходят в комнату, папа нагибается. Он большой, а двери в бабушкином доме не очень высокие.

— Константин, голубчик!— кричит Сватья, когда бабушка с папой входят в дом.

— Тётушка,— говорит папа и улыбается так широко, что видны зубы.

Так Ляля вдруг узнаёт, что тетя Сватья приходится папе тётушкой.

В это время бабушка вспоминает, что она ещё не здоровалась с мамой.

— Здравствуй, невестушка,— вдруг говорит бабушка. И они целуются.

А Ляля стоит рядом и смотрит на папу, маму и бабушку.

— Откуда это? — расцеловавшись с бабушкой, шопотом говорит мама и смотрит на серый, длинный лялин армячок, на голубое платье, которое бабушка справила ей на рост после осенней путины.

Маме, видно, не нравится лялин серенький армячок. Но потом она замечает, что щёки у Ляли коричневые и что она стала толстой.

— Как ты выросла! — говорит мама, улыбается и снимает шляпку.

— Можно, хозяйка?— кричат с порога.

На крылечке толпятся гости: тётя Фрося, председатель колхоза и конюх Митрич.

— Покажись, орёл! — кричит председатель папе и от радости крепко хлопает папу по спине.

— Фёдор Матвеевич! — кричит папа и от радости крепко хлопает по спине председателя. Так они стоят и довольно долго похлопывают друг дружку по спинам.

— Ну, ну,— говорит председатель.— Слышали. Даром, что на отшибе... Орёл!.. Эх, а я твоего папаню вот эдакого знавал!—вздыхает он вдруг и глядит на Лялю.

— Алексей Дмитрич, голубчик! — говорит папа, обернувшись к конюху Митричу.

Митрич мелко и часто кланяется.

— Что, не узнал, братик? — говорит Митрич.— Небось, постарел? — и отчего-то подмигивает папе.

Они обнимаются.

— Костенька! — говорит тётя Фрося и повисает на папиной шее.— Костенька, Костенька! А Ивана нет... Нет Ивана... Убили... А уж как бы был рад повидаться с меньшеньким. Не дожил Иван, нет, не дожил...

— Не надо, тётя Фрося,— говорит папа.— Услышит матушка.

Но бабушка уже всё услышала.

Она вдруг выпрямляется.

— Пришли они за ним,— говорит она тихо и смотрит прямо папе в глаза.— Пришли за ним... Руки связали. В спину прикладом тычут. Я и слова сказать не успела — повели из хаты. Я за ним. Бегу, кричу: «Куда? Куда?..» И не слушают... Заметалась я, к ихнему главному кинулась. «Да что же это?!.— кричу.— Да как же!»

«Гут,— говорит.— Ступай! Буду посмотреть». Пошла я. До колодца дойти не успела, слышу — стреляют!

Упала я на землю, сердцем чую: нет Ивана! Потом я уж хату ихнюю подпалила... В камыше жила, как зверь дикий, и жгла. И всё мало мне было. Всё жгла. Искупляла Ивана.

— Не надо, матушка,— говорит папа.

И все молчат.

«Это про дядю Ваню, про Ивашка,— глядя на бабушку, думает Ляля.— Он бабушкин сын. Старший, тот самый, что на крыше спасался. Это я на него похожа, говорят. Отчего же бабушка мне ничего про него не рассказывала?.. Про папу говорила, а про него никогда... Почему?»

— Искупляла Ивана,— говорит бабушка.

— Не надо, матушка,— говорит папа. Сжимает вдруг кулаки, как Ляля, и прижимает их крепко, крепко к глазам.

...Вот и вечер. Тётя Сватья в четвёртый раз ставит под окнами самовар. Залетает в хату горький дымок и мелкие искры. Чернеет небо. Но больше уже во тьме не стрекочет кузнец. Не горит светляк. Потому что осень. В окошко хаты влетают только искры от самовара.

Все сидят у стола.

— Герой, — продолжает папа. — Это прямотаки удивительно.

— Константин, прекрати! — говорит мама.

— Ну чего же, ведь все свои,— говорит папа.— Нет, представьте, матушка, когда я был в госпитале, так она с годовалым ребёнком...

— Константин, я уйду! — говорит мама.

— ...Так она с годовалым ребёнком,— торопится папа,— четверо суток в теплушке и шла семьдесят девять вёрст в морозы, по шпалам, с ребёнком... Так когда она вдруг показалась в палате у меня...

Под окном раздаётся плач.

— Кто там? — окликает тётя Сватья.

Мама встаёт и смотрит в окошко. Торопливым шагом она спускается в сад. За ней вприпрыжку бежит Ляля.

Прижавшись к стене, рядом с бабушкиным самоваром стоит соседская Люда.

Люда плачет.

— Что с тобой, девочка? — подобрав платье и осторожно присев на корточки, говорит мама.— Ну, что, ну, скажи!

Люда не оборачивается.

Мамины тёплые руки обнимают людину тоненькую дрожащую шейку. Мама тянет её к себе, обдаёт её своей душистой теплотой.

Люда плачет.

— Ну, ну,— говорит мама, ласково наклонившись над Людой,— я всё знаю. Ты стояла, наверно, вот тут под окошком и услышала, что мы шли по шпалам... Тебе нас жалко стало. Но ведь мы не замёрзли, мы тут.

— Что? — говорит Люда, оборачивается и, удивившись, смотрит на маму.

— Ну полно, девочка, полно,— говорит мама.

— Ляльку не увозите, вот что! — кричит Люда.— Я могу приглядеть. А у нас есть тоже десятилетка.

Ляля посапывает.

— Но ведь мы же с тобою договорились, девочка,— прищурив глаза и привстав, серьёзно говорит мама,— что когда наступят каникулы, ты приедешь к нам в Ленинград посмотреть на поле «Жертв Революции». Ну, как ты считаешь?.. Договорились?

— Могу,— подумав, говорит Люда.

Ляля стоит в сторонке и, мигая, как тётя Сватья, смотрит на маму и Люду.

И вдруг она замечает, что Люда очень хорошенькая... Она даже немножко похожа на лялину маму. У неё такие же беленькие волосики, как у мамы, такое же тонкое, узкое личико, такие же голубые, в колючих ресницах глаза, только, пожалуй, у Люды они покруглее. Но это даже ещё лучше...

— Мама, а Людка, когда я тонула, вытянула меня из моря за волосы,— вдруг говорит Ляля.

— А! Что? — говорит мама, и глаза у неё сейчас же становятся круглыми, как у Люды.

— Зая! — кричат из комнаты.

— Сейчас,— отвечает мама, берёт Люду за руку и идёт в дом.

За ними бежит Ляля.

— Садись, пожалуйста, девочка,— шопотом говорит мама.

Люда поглядывает на бабушку.

— Чего ж, садись! — говорит бабушка.— Раз вошла, так садись. Давно бы так. Нечего плач разводить под окнами. Закусывай!

Конюх Митрич пододвигает к маме тарелку и говорит:

— Отведайте, Зинаида Михайловна... Икорка, конечно, осенняя, свежий улов. Но, конечно, может быть, не понравится?..

Он протягивает маме тарелку и отставляет мизинец. В его ухе поблескивает серьга.

Мама берёт тарелку и смотрит на Лялю.

— Нет ли рыбки солёненькой? — задумчиво спрашивает тётя Фрося.

— Как не быть, отчего же,— радуется Сватья.— Рыбка есть.

И она выносит из кухни копчёную рыбу.

— А детки, детки чего ж не едят? — хлопочет Фрося.— Вот икорка, вот пирожок, вот сольца...

И она так щедро и так широко пододвигает к девочкам блюдце с солью, как будто соль на бабушкином столе — самое главное угощение.

Но Ляля не ест. Она дует в блюдечко с чаем.

«Это, может, не чай? — вздыхая, думает Ляля.— Это мы думаем про него, что он чай. А он, может быть, море. Настоящее море, может быть, тоже в блюдечке... Ведь мы же не видим сразу всех его берегов...»

Ляля медленно подымает два пальца: «Камыши!.. Тут бабушка...»

Она дует в блюдце, потом опускает в блюдце хлебную крошку. Крошка тонет. «Непогода,— думает Ляля.— Надо бы вызвать катер»,— повторяет она про себя громким голосом председателя и опускает в блюдце мизинец.

— Что ты делаешь, Ляля? — говорит мама.— Руки грязные, а ты выпьешь потом этот чай...

— Зая, она не выпьет, — сразу заступается папа.

Бабушка внимательно смотрит на Лялю, на папу, на маму и смеётся.

— Ой, ну, бабушка! — говорит Ляля и тянет бабушку за рукав.

— Ладно, ладно,— говорит бабушка и вытирает ладонью глаза.— Будешь скучать по бабушке?..

«Скучать? Значит, долго я тебя не увижу, бабушка? Значит, я от тебя уеду надолго?..» — глядя на бабушку, думает Ляля.

Она задумывается.

Залетают в окошко искры от пятого самовара. Ляля дремлет, сидя рядом с притихшей бабушкой и уронив голову на ладошку.

Откуда-то из углов в глаза ей ползут широкие нежные тени. Глаза слипаются. В глазах мелькает бурьян. По бурьяну бежит петух. В поле качается обгорелая балка.

По широкой дороге в клеёнчатой куртке и шапке ходит босая бабушка. Море окатывает её солёной водой. Что-то блещет в бабушкиных глазах. Лицо у бабушки мокрое.

— Эх ты, моя капелька! — говорит бабушка.

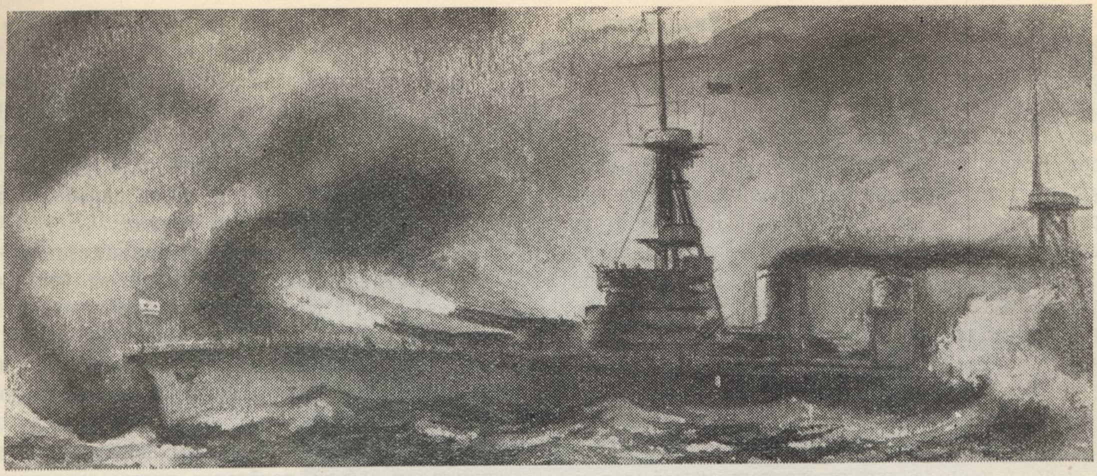
— Бабушка, ты моё море! — отвечает Ляля и вздрагивает во сне.

— Константин, она, кажется, простудилась,— встрепенувшись, говорит мама.

— Да нет, Михайловна! — отвечает, махнув рукою, тётя Сватья.— Видать, что ты молодая мать... Это ж к росту. Дитё растёт.

Конец.

НАХОДКА

Рассказ К. Золотовского

Рис. Ф. Лемкуля

Тяжёлый крейсер бил изо всех орудий.

Палуба содрогалась. Броня крейсера гудела. Звонки боевой тревоги разносились по корабельным постам. Орудия стреляли и снова заряжались. Из подземелий бронированных башен ползли прямо к орудийным замкам тяжёлые крупнокалиберные снаряды.

Там, где падал на врага такой снаряд, сокрушалось всё. Оглушительно лопались цистерны с горючим, разбрасывая искры многоцветного огня. Как орехи, крошились железобетонные фашистские доты.

Снаряды крейсера летели на дальние огневые точки врага. Свистели и сгибались под вихрем летящего снаряда могучие сосны, как от двенадцатибалльного шторма; ахал и гудел лес.

Вековые сосны срезало начисто. Скоро на месте леса остались только пни да запах лесной гари и едкого артиллерийского дыма. Это был невиданный со времён знаменитого «Варяга» поединок одного корабля с десятками вражеских береговых батарей.

Враг рвался к огромному портовому городу, а крейсер не пускал его туда, хотя огненный шторм гудел вокруг корабля.

Уже были расщеплены стальные мачты, пробиты переборки, разворочен якорный клюз, заклинено артиллерийское управление, и командиры перешли на голосовую передачу команд.

Крейсер так яростно стрелял, что даже воздух над ним накалился. Когда на палубе хлестала ледяная октябрьская вода, поднимался пар и пушечные стволы шипели, как перегретые утюги на влажной холстине.

Много бед вражеской армии мог бы ещё наделать грозный крейсер, но один злополучный снаряд врага пробил палубу возле порохового погреба. Стали рваться снаряды. Вырвало и подбросило кверху кусок носовой части палубы. Вспыхнул пожар: фонтан огня опалил матросов. Пожар быстро помчался по кораблю к тому месту, где была цистерна с нефтью. Крейсеру с минуты на минуту грозил гибельный взрыв снарядов, а потушить пожар уже было невозможно. Для спасения корабля капитан приказал открыть кингстоны, чтобы затопить его на мелком месте.

Носовая часть корабля, шипя и разбрасывая пары, погрузилась в воду. Глубина здесь была около двенадцати метров, совсем немного для такого корабля. Над водой осталась торчать небольшая часть кормы.

Матросы сняли боевой флаг и покинули крейсер. Он остался полузатопленный, всего в каких-нибудь полутора километрах от берега.

Немцы целыми днями не сводили глаз с корабля, следя за ним в бинокль и стереотрубы. А ночью они шарили по нему прожекторами, стреляли светящимися снарядами и развешивали над ним люстры световых ракет.

И вот наше командование распорядилось спасти крейсер.

Нам, водолазам, не впервые доставать корабли из-под носа неприятеля. Выбрали ночь потемней и вышли.

Баркас не дошёл до корабля метров на тридцать: из предосторожности мы решили узнать, нет ли за кормой корабля магнитных мин или немецкого патруля — торпедного морского охотни-

ка. На разведку послали водолаза Никитушкина, самого у нас зоркого.

В лёгководолазном костюме Никитушкин доплыл до кормы, забрался на палубу, прополз возле полузатопленной орудийной башни и заглянул за борт. Ничего подозрительного не оказалось. Никитушкин хотел уже сползать обратно, чтобы сообщить нам, что можно начинать работу, как вдруг ему показалось, что на пустой корме мелькнуло четыре белых пятнышка и над ними загорелись два зелёных огонька. Никитушкин попятился. Огоньки стали приближаться. Никитушкин протянул руку — огоньки потухли, и пятнышки исчезли. Что за штука? А ну, проверю!

Никитушкин прополз по корме — никого нет. Хотел перебраться к другому борту, но тут с берега ударил по воде луч прожектора и побежал к кораблю. Никитушкин так и прилип к палубе. А луч быстро бежал, и Никитушкин понял, что сейчас будет виден немцам как на ладони. Он быстро покатился к борту, наворачивая на себя шланг, как катушка нитку, плюхнулся с борта и уже в воде размотал шланг.

Вернувшись с разведки, Никитушкин доложил, что катеров и мин не обнаружил, но на корабле светились какие-то зелёные огоньки.

— Может, морские светлячки? — спросил боцман Калугин.

— Нет, не похоже, — сказал Никитушкин. — Светлячки в разные стороны разбегаются, а эти парами ходят.

— Ну ладно, там узнаем, — спокойно сказал Подшивалов. — Пошли, время дорого.

Немецкий прожектор погас. Мы подошли к кораблю и пришвартовались бортом к корме.

Ночь была тёмная, но никаких огоньков и светлячков на палубе мы не заметили и спустились под воду осматривать пробоины.

Дядя Миша стоял на сигнале Никитушкина у самой кормы аварийного корабля и вдруг почувствовал, что в темноте его шею сзади обвило что-то живое и мягкое. Он схватил себя за шею, «воротник» слабо мяукнул. Это был котёнок с зелёными глазами, чёрный, как ночь, только самые кончики лапок были белые. Котёнок дрожал всем телом.

— Ну вот, нашлись твои огоньки! — сказал дядя Миша Никитушкину, когда тот, осмотрев под водой корпус корабля и сосчитав пробоины, поднялся на трап бота.

Никитушкин вытер мокрые, перепачканные в ржавчине руки и нежно погладил котёнка.

— И как только ты на крейсере уцелел после такого боя? — сказал он.

Котёнок поглядывал на Никитушкина зелёными глазами.

— Ну вот, есть теперь у нас свой водолазный кот, — сказал кочегар Вострепов, доставая из кармана кусочек хлеба.

Котёнок поел и облизал шерстку. Это был очень чистый кот, настоящий корабельный. Закончив умываться, он ушёл на корму крейсера и заснул.

Перед рассветом нам надо было уходить, мы хотели взять кота с собой, но он царапался и ни за что не хотел оставлять кормы.

— Пусть посидит тут, покараулит судно, — засмеялся дядя Миша и выловил из-за борта сачком маленькую салаку, чтобы котёнку было чем подкрепиться после ночной вахты.

Свежая рыба котёнку понравилась. Он сперва поиграл с нею, как с мышью, а потом, не дожидаясь утра, съел.

Когда следующей ночью мы вернулись и приступили к работе, котёнок с интересом следил за нами из темноты зелёными огоньками глаз. Сидя на корме, он внимательно смотрел, как мы спускались и поднимались из воды. Может быть, по-кошачьи думал, что это мы ему ловим рыбу на завтрак.

Однажды звёздной ночью немцы, видимо, заметили наше движение и дали по кораблю несколько орудийных выстрелов. Снаряды пролетали над кораблём и разрывались в воде. Но водолазов не оглушило: все были во-время подняты из воды.

После этого прочёса немцы успокоились и не тревожили нас до самого утра. Они и не догадывались, что мы приходим сюда каждую ночь и прячем за кормой крейсера целую флотилию: водолазный бот, шлюпки, водоотливные средства и большие цилиндрические понтоны.

Начались осенние штормы, однажды ударил девятибалльный. Во время такого шторма возле кормы стоять нельзя — разобьёт о стальной корпус, а отойти тоже нельзя было — заметят. А самое главное — ночь потерять жалко.

Наш боцман Калугин, как акробат, ходил по взлетающей вверх и вниз палубе и подкладывал брёвнышки и кранцы между бортами. Благодаря его уменью мы всё-таки отработали несколько ночных часов. Дядя Миша был весь мокрый, как и мы, вылезавшие из воды, и котёнок тоже был весь мокрый. Взяли мы его с собой на базу, обогрели и обсушили. В следующую ночь, тоже штормовую, хотели его на базе оставить, но не успели от берега отойти, как он уже очутился на спине у дяди Миши и ушёл с нами на операцию.

Мы до сих пор даже не знали, как звать котёнка. Много имён перебрали: и Жучок, и Чертёнок, и Бесёнок, и Белые пятнышки, — как только ни называли, а он и ухом не повёл на прозвища. Не мяукнул в ответ ни разу, будто немой. Так и оставался у нас котёнок без имени до тех пор, пока он нам не помог в одном деле. Это было уже после пробной откачки корабля, когда мы заделали пробоины. А насчитали мы их сто с лишним.

Работали в полном мраке наощупь, резали руки, но каждый думал только о том, как лучше и плотнее наложить пластырь на корабельную рану.

Острые, рваные края отверстий и стальные крупные заусеницы на них разрезали костюмы. Дядя Миша не успевал чинить водолазные рубахи.

Октябрьская вода была холодна, как лёд, руки сразу синели, деревенели, а в рукавицах работать неудобно: пробоины как следует не нащупать в темноте. Хоть мы и перевязывали рукавицы шпагатом, всё равно надуваются воздухом, пальцы и ладони делаются нечувствительными, не узнаешь, какие края у пробоины. А гайку и вовсе ни отвинтить, ни завинтить, будто не пальцами берёшь, а ватной подушкой. И самому в костюме трудно поворачиваться: под водолазной рубахой на тебе наверчено, как на капустном кочане, сто одёжек: брюки и куртка, шерстяное двойное бельё, рейтузы, чулки двойные, ватные брюки, ноговицы, ватный пиджак—вот сколько надето!

— Ну вот, есть теперь у нас свой водолазный кот.

Но всё-таки заделали мы пробоины хорошо, как на суше. После шторма днём на базе починились, шлемы выправили, крамбол — деревянный брус для подъёма тяжестей из воды — отремонтировали и срастили порванные штормом тросы.

Ночью закончили заделку пробоин и начали откачку воды с корабля. Пустили в ход все наши отливные средства и качали целый час. С трепетом ждали: всплывёт ли крейсер? Но крейсер не всплывал.

Что такое? Неужели кто-нибудь из нас неплотно заделал пробоины?

Решили пустить в ход электропомпы самого крейсера. Показалась часть палубы, но на этом дело и остановилось. Было ясно, что где-то осталась незаделанная пробоина. Снова занялись помпами, — шутка ли, столько ночной работы проделали, а корабль не всплывает. В тревоге никто не думал о котёнке. И вдруг откуда-то снизу, словно из подземелья, раздался жалобный писк.

— Наверно, в шкиперскую побежал. Пойду спасу тварь! — сказал дядя Миша и полез в люк.

Долго не выходил он обратно. Мы уже беспокоились: в тёмных лабиринтах крейсера немудрено заблудиться. Потом слышим глухой голос:

— Спускай водолаза! Нашёл!

Бросились к люку, оттуда поднялась рука с мокрым дрожащим котёнком.

— Нашёл пробоину! — сказал дядя Миша. — Чуть котёнка в неё не затянуло. Спускай водолазов. Сейчас я вам её выстукаю.

С борта сразу спустился Подшивалов, и выяснилось, что на корме в одном месте отогнулся лист стальной обшивки. Видимо, он отошёл, когда была последняя стрельба, и потому до этого водолазы его не находили.

Мы быстро заделали повреждение, и корабль всплыл. Мы так все обрадовались, что чуть не закричали «ура». А котёнку на радостях тут же

придумали имя, назвали Находкой и накормили до полусмерти рыбой.

Корабль был в наших руках. Теперь всё дело было в том, как увести его незаметно от немцев. А море вокруг, будто нарочно, было тогда светлое, с сизыми наплывами, и в мелких волнах плескались звёзды. Наползёт лёгкая кисея белесого тумана, чуть поднимется, покачается и, как дым, уйдёт в сторону неприятельского берега.

Держать корабль на плаву было нельзя: немцы каждую минуту могли осветить его прожектором. Для прикрытия нам нужен был густой ночной туман. А его не было. И мы решили увести корабль под водой. Для этого надо было срочно, не теряя ни секунды, оттянуть корабль на глубокое место и перестропить там в воде понтоны.

Спасибо Подшивалову, он очень хорошо работал под водой. Ни один водолаз ещё не действовал так быстро. Никто из нас за четыре минуты не успел бы в полной темноте соединить тяжёлой скобкой стальные стропы — сплетения тросов, подведённых под понтоны. Одна скоба весит около десяти пудов. А Подшивалов успевал.

Перестропили мы понтоны, и мощный морской буксир повёл прочь от немцев спасённый корабль. Котёнка дядя Миша в последнюю минуту успел схватить за ногу, когда палуба крейсера уже под воду уходила.

Поддерживая корабль под поверхностью воды полузатопленными понтонами, буксир увёл его от немцев километров на восемь.

На утро немцы глядят: исчез крейсер; послали катер проверить — убедились, рассвирепели и ну молотить из всех орудий по пустому месту. В том месте, мы потом в бинокль видели, белым-бело стало от глушёной рыбы, точно снегу насыпало на воде.

А мы прибуксовали крейсер на судоремонтный завод, и там им быстро занялись рабочие. Мы им помогали в ремонте подводной части.

Баркас наш был пришвартован к борту крейсера, но котёнок и не пытался взбираться на палубу. Он играл на баркасе со шлангами или забирался в водолазный шлём. Попрежнему на своё прозвище он не отзывался. Мы уже думали, что он оглох на крейсере после боя.

Но скоро мы узнали настоящее имя котёнка.

Это случилось в конце ремонта, когда на бронированной палубе появились комендоры и артиллерийские электрики этого крейсера. Корабль-богатырь с их приходом сразу ожил и заговорил, будто в него вложили сердце. Застучало динамо, зашумели водоотливные машины. Солнце спустилось с капитанского мостика по никелированным поручням, зайчиками встало у круглых заглушек бортовых иллюминаторов и запылало на медных подушках надраенных кнехтов. Надраенные внутри, как зеркало, дула орудий поднимались, опускались, разворачивались в башнях, и по звонку к ним из нижнепалубных подземелий бежали снаряды.

Котёнок, как услышал на палубе артиллерийские звонки, вдруг изогнулся пружинкой и, блеснув зелёными глазами, сделал огромный прыжок кверху.

Мы и глазом моргнуть не успели, как он уже перепрыгнул через борт и очутился на стволе пушки. Вот так котёнок! Пролетел над нами, как настоящая дикая пума.

Котёнок недолго сидел на пушке. Его сразу заметили комендоры.

— Мурочка! — радостно крикнул самый молодой из комендоров.

— Мяу! — ответил котёнок и прыгнул с пушки на плечо комендора.

— Ишь ты, когда голос подал! — обиженно сказал Никитушкин.

Так водолазный кот и остался в семье артиллеристов.

Пока вступивший в строй крейсер стоял поблизости и громил засевших под городом немцев, мы ходили к артиллеристам в гости посмотреть, как поживает у них котёнок.

Мы рассказали им, как он помог нам обнаружить на корабле пробоину в шкиперской.

— Он всегда там мышей лозил, — объяснили артиллеристы.

А потом крейсер погнал разгромленных под городом немцев далеко на запад, вдоль морских берегов. Его залпы, похожие на отдалённый гром, ещё долго звучали в утренней тишине.

Сначала голос спасённого нами корабля был хорошо слышен в порту. Но крейсер уходил всё дальше и дальше на запад, и чем глуше становился его могучий голос у нас в порту, тем громче звучал он у вражеских берегов.

★

КАРУМ и ДЗАРАХ

Г. Дзугаев

Отец Карума работал столяром в колхозе. Его мастерская была полна инструментов. Тут были топоры, пилы, рубанки, долото, разные буравы и буравчики.

Карум часто приходил в мастерскую. Делал маленькие скамейки, колёса для мельницы, мышеловки и скворешни.

Однажды в пионерской газете Карум увидел модель самолёта. Он долго рассматривал её. Потом пошёл в мастерскую, попросил тонких дощечек и начал мастерить самолёт. Он возился целый день. Несколько раз принимался строить заново, но ничего не получалось. На следующий день Карум вновь взялся за инструменты, и наконец самолёт был готов. Большой, красивый, точно такой, как в газете.

Карум принёс его домой, нарисовал на крыльях пятиконечные звёзды и надписал: «К-1»,—а внизу на крыльях добавил: «СССР».

Вожатый отряда, увидев самолёт, обрадовался.

— Знаешь что, Карум, научи всех пионеров строить модели. Мы будем посещать мастерскую, а ты будешь нас учить. Будем строить и такие самолёты, с которых мой брат бомбил Берлин.

Карум ответил не сразу.

— Учитесь сами, — сказал он наконец. — Меня ведь никто не учил, — и ушёл.

Вожатый молча глядел ему вслед. Вдруг к нему подбежал маленький Дзарах и, запыхавшись, сказал:

— Мне папа купил велосипед. Я уже научился ездить. Завтра я его привезу на поляну и научу всех кататься. Хорошо?

— Хорошо, хорошо! — улыбнулся вожатый.

На следующий день на зелёной поляне, возле села, пионеры учились ездить на велосипеде. Карум долго наблюдал издали, потом молча подошел.

— Иди, Карум, у нас все уже умеют ездить. Учись и ты, — проговорил вожатый.

Карум взялся за руль велосипеда, постоял молча. Лицо его покраснело. Потом, опустив глаза, Карум сказал:

— Пока я не научу ребят строить самолёты, я не сяду на велосипед.

Перевёл с осетинского Дм. Кусов

На реке Уфимке

Ю. Сотник **Рис. Е. Васильева**

Весь лес был наполнен ровным шумом дождя. Даже под густыми деревьями не осталось ни клочка сухой земли, и с веток вода не капала, а лилась широкими струями.

По узкой лесной дороге, спотыкаясь на ухабах, накреняясь то в одну, то в другую сторону, медленно шла грузовая машина. В кузове её, вцепившись друг в друга, сидели человек двадцать мальчиков и девочек и коренастый, сильно загорелый мужчина лет сорока. Он весело поглядывал на промокших ребят и поддразнивал их:

— Попались, голубчики! Погодите, ещё не то будет!

Семиклассница Ира Любимова, у которой мокрые пряди волос прилипли к смуглому лицу, отвечала нарочито бодрым тоном:

— А что тут страшного, товарищ Валитов? Дождь как дождь.

— Самое обыкновенное дело, — соглашались ребята. — Не в санаторий едем.

Однако по лицам многих из них было заметно, что они были бы очень рады, если бы «обыкновенное дело» кончилось как можно скорее.

Куда они ехали? Об этом нужно сказать подробнее.

В советской Башкирии среди школьников очень развит туризм. Ежегодно десятки тысяч ребят отправляются в путешествия по родному краю. Они взбираются на горные вершины, исследуют глухие речки, совершают многодневные пешие походы. Разумеется, каждым таким походом руководит учитель или пионервожатый. Но одному ему справиться трудно, особенно если он имеет дело с туристами-новичками. Ему нужны опытные, закалённые помощники. Чтобы подготовить таких ребят-туристов, многие школы Башкирии ежегодно посылают несколько своих учеников в туристский лагерь.

Вот в этот-то лагерь и ехали ребята. Все они были страстными путешественниками в душе. Но далеко не все были путешественниками на практике; они должны были стать ими в лагере.

Дорога пошла под гору. Впереди, среди лесистых берегов, показалась речка Уфимка, покрытая дождевыми пупырышками.

— Ещё две минуты — и мы приехали, — сказал товарищ Валитов.

Ребята сразу повеселели.

— Люблю походную жизнь! — заговорил под шум дождя Ваня Шорохов. — Устанешь, промокнешь, проголодаешься, а зато как приятно потом очутиться в тёплой комнате!..

— Ага! — подхватил кто-то из ребят. — Щец горячих похлебать — и в постельку!

Машина остановилась на берегу реки.

— Вот мы и дома!

Ребята выгрузились из машины и оглянулись. Перед ними на небольшой полянке, у подножья покрытого лесом холма, стояло дощатое строение, по крыше которого гулко, как по барабану, колотил дождь. Когда путешественники вошли внутрь строения, то увидели, что оно совершенно пусто. Лишь в одном из углов были свалены в груду железные койки.

— Вот тебе и щи горячие! — съязвил кто-то.

— Щи скоро будут, только сначала нужно дров наколоть да воды принести.

— Плохой, видно, тут завхоз. Не мог приготовиться, — ворчливо заметил Тимир Махмутов.

— А завхоза у нас ещё совсем нет. Нам его

ЮНЫЕ ТУРИСТЫ. Б. ВИНОКУРОВ.

ещё выбрать надо. Кого вы предлагаете, товарищи? — спросил руководитель.

Ребята засмеялись и дружно закричали:

— Тимира!

— Тимира завхозом!

Так началась жизнь в этом несколько необычном лагере. На следующий день сюда приехало ещё около шестидесяти юных туристов, и члены первого отряда, чувствуя себя уже старожилами, внушали новичкам:

— Нянек тут нет. Всё должны делать сами.

По утрам раньше всех поднимались в лагере дежурные и принимались колоть дрова, носить воду, хозяйничать на кухне под руководством единственной лагерной поварихи тёти Нюры. Продукты на весь день выдавал из своей кладовой Тимир, которого ребята предпочитали называть не завхозом, а по-военному — старшиной.

Под звуки горна подымался весь лагерь. Юный путешественник должен переносить любую погоду. Ни дождь, ни ветер не отменял утреннюю зарядку во дворе.

Первые дни прошли в работах по оборудованию лагеря. Ребята вместе с вожатыми срубили и установили мачту, устроили линейку, дорожки, клумбы. Затем начали учиться всему тому, что должен уметь юный турист.

— Внимание! Кто не умеет плавать, подымите руки, — сказал однажды на линейке физрук Лев Григорьевич.

Десятка полтора ребят подняли руки.

— У нас скоро будут лодочные походы. К этому времени должны уметь плавать все! Ни один, не умеющий плавать, не сядет в лодку.

С тех пор ежедневно физрук проводил занятия по плаванию. Лучшие лагерные пловцы помогали ему в этом. Почти весь лагерь с интересом и участием наблюдал, как барахтаются в воде начинающие. Время от времени лес оглашался радостными возгласами:

— Плывёт!

— Смотрите, Юра Анищенко поплыл!

— Юрочка! Ура! Плывёшь!..

Не всем обучение давалось легко. Тоненькая светловолосая Лена Котур много раз ложилась на воду, отчаянно, с испуганным лицом колотила руками и ногами и, нахлебавшись воды, становилась на дно.

— Не могу, — говорила она, — у меня, наверное, удельный вес слишком большой. Так, говорят, бывает.

— «Не могу» — это глупое слово,— отвечал физрук.— Захочешь, так всё сможешь. Спокойней подгребай под себя воду. Не задерживай дыхание.

По берегу расхаживала ленина подруга Ира Любимова и умоляюще поглядывала на неё.

— Леночка, миленькая, ну ещё разок. Леночка, ведь в поход не возьмут,— уговаривала она, и Лена снова ложилась на воду.

Пришёл наконец день, когда Лена продержалась на воде целых пятнадцать секунд. В следующий раз Ире пришлось считать до сорока трёх, а ещё в следующий раз она досчитала до шестидесяти, бросила считать и закричала:

— Плывёт! Лена плывёт!

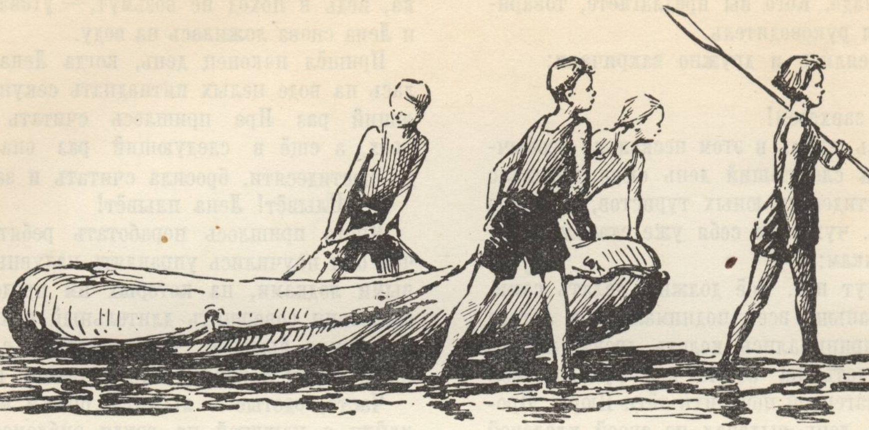
Много пришлось поработать ребятам, прежде чем они научились управлять надувными резиновыми лодками, на которых им предстояло впоследствии совершить длительный поход. Течение в Уфимке быстрое. Чуть зазеваешься — и пропорет лодку о корягу или о камень на перекате.

Часто, одетые в лыжные брюки и в голубые майки с нашитой на груди эмблемой туристов, ребята уходили в короткие тренировочные походы. Они учились обращаться с компасом и картой, ходить без дороги, густым лесом, по азимуту. Нередко при этом, вместо того чтобы выйти к деревне, указанной руководителем, они залезали в болото. Но постепенно такие промахи становились реже и реже.

Так шли дни за днями, и каждый день обогащал ребят новыми знаниями, новыми навыками. Наконец для первого отряда настала пора, о которой ещё до приезда в лагерь мечтали все юные туристы: отряд отправился в большой лодочный поход, который назывался «Уфимская кругосветка». Участники похода должны были спуститься по Уфимке до реки Белой, потом по Белой до города Черниковска. Здесь им предстояло на грузовике переехать снова на Уфимку, но уже поближе к её верховьям.

Весь лагерь выстроился на линейке, провожая в поход первый отряд. Прокатилось над лесом «ура», прогремел прощальный салют — выстрел из единственного в лагере дробового ружья, — и флотилия из пяти резиновых лодок кильватерной колонной поплыла по быстрой реке. На носу передней лодки, на той, где плыл руководитель, сидел самый маленький участник похода — девятилетний Юра Анищенко. Он держал в руках вымпел. Затем шли четыре лодки, в которых сидело по четыре человека. Замыкала шествие лодка, доверху нагруженная всевозможной кладью. Тут были и ящики с продовольствием, и вёдра, и кастрюли, и тарелки, и фанерные папки для гербариев. Среди всего этого восседал загорелый дочерна и очень весёлый «старшина» Тимир Махмутов.

Три дня продолжалось путешествие. Ещё перед началом похода каждый из ребят выбрал себе «специальность»: одни были биологами, другие — геологами, третьи — зоологами. Во время привалов они собирали растения, коллекции насекомых, образцы минералов. Они видели на реке Уфимке место, где в годы гражданской войны переправ-

лялся со своими войсками Чапаев; побывали возле старой, полуразвалившейся церкви, где когда-то был заточён Пугачёв; осмотрели большой промышленный город Черниковск, возникший за годы сталинских пятилеток.

Ночевали наши путешественники в лесу у костров, на постелях из душистых, зелёных веток, попеременно неся сторожевую вахту. Старший костровой Ваня Шорохов учил товарищей быстро разводить костёр из сырых сучьев. Под руководством «старшего повара» Эры Коркиной ребята готовили на костре вкусные обеды из трёх блюд.

Временами участникам похода приходилось нелегко.

Несмотря на то, что флотилия плыла по течению, грести приходилось всё время, иначе путешествие слишком бы затянулось. Сначала все очень уставали, работая на неуклюжих лодках вёслами без уключин. На перекатах путешественникам приходилось десятки, а то и сотни метров брести по воде, перетаскивая лодки.

Случались и аварии. Однажды флотилия спокойно плыла по Белой, и никто не предвидел, что через несколько минут нарушится мирная жизнь путешественников. Лодка с провиантом и снаряжением, как всегда, тащилась сзади на буксире. Тимир блаженно жмурился на солнышке и любовался живописными берегами. Вдруг он услышал тонкий писк, похожий на писк комара. Прошло несколько секунд, прежде чем «старшина» понял, что это пищит не комар, а его лодка, из резиновых бортов которой выходит воздух.

— Тону! — завопил «старшина».

Ребята перестали грести и обернулись. Лодка Тимира со всем грузом быстро погружалась в воду на самой середине широкой реки. Что было делать? За Тимира никто не боялся: он хорошо плавал, — но как спасти груз?

— Пришвартоваться к Тимиру! — дал команду руководитель похода.

Флотилия окружила тонущую лодку, два десятка рук ухватились за её борта, и, удерживая навесу потерпевшее аварию судно, ребята стали грести к берегу.

Под вечер третьего дня путешественники прибыли домой.

Снова на берегу выстроился весь лагерь, снова прокатилось над лесом «ура», снова хлопнул выстрел из дробовика. Тут же на берегу загорелые, окрепшие участники похода передали начальнику лагеря Амалии Ивановне Лоос уже совсем готовые, хорошо оформленные коллекции растений, насекомых и минералов, которые они собрали в пути.

Этот поход был не единственным большим походом. Через несколько дней первый отряд пешком отправился в другой многодневный поход по следам Чапаевской дивизии. Побывали они и в колонии имени Александра Матросова, где воспитывался Герой, отдавший жизнь за Родину. Восемь походов совершили наши путешественники, прежде чем каждый из них получил звание инструктора-общественника по школьному туризму.

Теперь эти ребята помогают учителям и вожатым организовывать пионерские походы в своих школах. К тому времени, когда вы будете читать эти строки, многие из тех ребят, о которых я пишу, уже снова будут в пути.

★

наша ПОЧТА

О лагерных друзьях

Прошлым летом недалеко от нашего лагеря, в лесу, жил охотник. Мы любили ходить в гости к Игнату Семёновичу. Нам нравились его рассказы о жизни птиц и зверей. От него мы узнали, почему у птиц разные клювы. У дрозда, например, клюв тонкий и заострённый. Это потому, что он добывает себе корм в густой траве. У клеста, который вылущивает хвойные шишки, концы клюва загнуты и заходят друг за друга. Как-то, проходя мимо речки, мы увидели ныряющую в воде птицу. Игнат Семёнович сказал нам, что это крохаль. Он питается рыбой, и клюв у него, как крючок, с зазубринками внутри, чтобы рыба не могла ускользнуть.

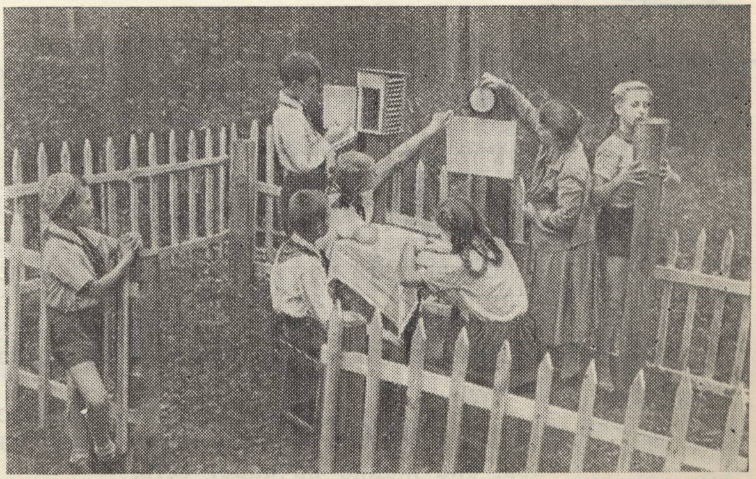
Игнат Семёнович помог нам поймать для «живого уголка» белку, ежа, черепаху, дрозда, зяблика и чижей. Были у нас ещё цыплята и кролики. Цыплят мы тоже поместили в вольер к диким птицам. Обитатели вольера по-разному приняли новых жильцов. Дрозд и зяблик то и дело клевали их, а чижи в первые дни отнимали корм. Но мы всё-таки добились того, что птичья семья стала жить в дружбе.

В последние дни перед отъездом из лагеря мы очень грустили. Жаль было расставаться с лесом и с нашими питомцами. Мы решили выпустить птиц на волю.

И вот ребята собрались у вольера, открыли дверь, а птицы испуганно сбились в уголок и не летят. Но, почуяв свободу, они, конечно, улетели. Потом мы расстались с цыплятами, которые стали уже курами,—отнесли их в подсобное хозяйство лагеря. Черепаху отдали ребятам детского сада. А общую любимицу — белочку— мы подарили Елизавете Георгиевне, руководительнице кружка юннатов. Вова Гераскин взял ёжика, а я — двух кроликов. Они и сейчас живут у меня.

Юра Степанов,

ученик 207-й школы, г. Москва

Это метеостанция нашего лагеря. Здесь всё, кроме приборов, сделали ребята. При помощи барометра, термометра и самодельного дождемера юные метеорологи ведут систематические наблюдения за погодой и каждое утро объявляют результаты этих наблюдений на лагерной линейке.

Лесные происшествия

Было шесть часов утра. Светило солнце, пели птицы, трещали кузнечики. Я шёл по лесу. Передо мной вилась тропинка, она привела меня к роднику.

Здесь я решил отдохнуть. С наслаждением вытянувшись на траве, я незаметно уснул, а когда проснулся, мне захотелось пить. Но консервная банка, которую я перед отдыхом положил около себя, исчезла. Приподнявшись, я увидел смешную картину: банку тащил... ёж. Прокатив её немножко, он садился на задние лапки, а передними усердно вытирал мордочку, ну прямо как сильно уставший человек.

Держась в стороне, я шагов двадцать шёл за ним и уже решил отнять банку, как вдруг ёж пропал. Потом он вылез из-под куста, но не один, а с другим, большим ежом и четырьмя ежатами. Ежата мигом забрались в банку, и там пошла у них весёлая возня. Старшие с сопением ходили около банки и всё её нюхали: что, мол, это за штука?

Я сидел за кустом и ломал голову: зачем понадобилась ежу банка? И вдруг я увидел, что ежи толкают банку к норе. Но нора оказалась узкой, и банка не пролезала.

Долго продолжались ежиные хлопоты. Мне уже пора было уходить домой, и я вышел из-за куста. Ёжики быстро юркнули в нору. Я взял банку и вернулся к ручью. Здесь меня ждало новое происшествие. Четыре сороки усердно долбили мой хлеб, который они вытащили из сумки.

Так прошёл мой первый летний день в лесу.

Вадим Чапский,

г. Воронеж

Юные путешественники на привале.

Рисунок Лены Асковой — члена художественной студии Московского городского дома пионеров.

Шушка

У меня есть очень маленькая горная черепаха. Я привезла её из Сталинабада. Сперва моя черепашка всего боялась и часто пряталась в панцырь, издавая еле слышное, но грозное «щ-ш-ш». Поэтому я и назвала её Шушкой. Скоро Шушка перестала бояться и позволяла трогать головку, лапки и коротенький смешной хвостик. Несмотря на жару, которая в Сталинабаде доходила до сорока градусов, её любимым местом была электрическая печка. Стоило только включить печку, и Шушка сразу забиралась под неё. От жары у неё пузырился панцырь, но Шушку это мало беспокоило. Её холодная кровь требовала как можно больше тепла. По ночам Шушка смело разгуливала по комнате и так громко стучала коготками, что даже не верилось, что такая крохотная, диаметром в пять сантиметров, черепашка делает столько шуму.

Шушка очень любит капусту. Я часто заставляю её долго крутиться на месте, держа капусту возле мордочки. А потом, прижав лист лапкой, она жадно начинает есть.

Однажды с Шушкой случилось несчастье. Она наелась нафталина и отравилась. Шушка долго ничего не ела и уже не ходила, а ковыляла, переваливаясь с одного бока на другой. Её как будто разбил паралич. Мне было очень жаль Шушку, но я не знала, чем ей помочь. Попробовала отпаивать молоком, но она плохо пила. И всё-таки недели через две Шушка стала поправляться. Я радовалась, что могу везти её с собой в Симферополь.

В вагоне многие принимали мою черепашку за заводную игрушку. А сосед по купе всё пытался затолкнуть её в панцырь. Но привыкшая к людям Шушка ни за что не хотела прятаться и отчаянно дралась задними ножками.

Сейчас Шушка здорова и проказничает, как прежде.

Инна Гринько,
ученица 6-го класса 9-й школы,
г. Симферополь

Ворона

Это было зимой, в очень морозный день. Перед самым началом урока в класс, запыхавшись, вбежала Лена Киреева. Из шапки, которую она держала в озябших руках, что-то торчало.

— Что я нашла! — сказала Лена, дуя на руки.

Она осторожно положила шапку на стол, и мы увидели... ворону.

— Да она неживая! — сказал кто-то из девочек.

Лена рассказала, что ворона упала ей под ноги.

— Может, она ещё не совсем замёрзла,— сказала она.

Мы положили ворону в парту на шерстяной шарф. Первый урок прошёл спокойно. А на втором, когда все увлеклись переводом басни с английского, ворона вдруг вылетела. Тяжело взмахивая крыльями, она стала биться в окно. Мы никак не ожидали этого и сначала даже испугались, а потом от радости, что ворона ожила, захлопали в ладоши. Ольга Ивановна не очень рассердилась, когда узнала всю историю с вороной, и велела отнести её в биологический кабинет. Ворона с испугом глядела на всех своими выпуклыми, глупыми глазами, когда девочки торжественно понесли её из класса.

С тех пор эта ворона живёт в нашей школе.

Лена Крупенская,
гор. Москва

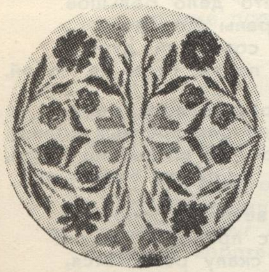
Я развожу примулы

Я люблю выращивать цветы. Сейчас я развожу китайские примулы. Это очень красивые цветы, но на севере они могут расти только в комнате.

У примулы пестик расположен выше тычинок, поэтому они не могут самоопыляться, и у комнатных цветов не бывает семян. А я решила попробовать опылить комнатные примулы. Тоненькой кисточкой я переношу пыльцу с тычинки одного цветка на пестик другого, и через два месяца на месте опылённого цветка оказывается коробочка с семенами. Я провела много опытов и наконец вырастила примулы из новых семян.

Скоро такими примулами будет украшен наш Дом пионеров.

Галя Грачёва,
юннатка из кружка Дома пионеров,
г. Ярославль

Витя Калинин, ученик 327-й московской школы, любит рисовать с натуры цветы. Однажды он нарисовал много цветов и составил из них этот узор для вышивки.

Литературная страничка

Сегодня в нашем журнале выступает литературный кружок Дома пионеров Красногвардейского района Москвы. Руководит этим кружком Надежда Львовна Победина. Ребята, члены кружка, хотят познакомить вас со своей работой. Предоставляем им слово.

Ира Дмоховская, ученица 5-го класса 329-й школы.

Это стихотворение я посвятила своей любимой учительнице, которая четыре года учила и воспитывала меня.

Любимой учительнице

Мы были все смешными малышами,
Когда вошли впервые в этот класс
И, получив тетрадь с карандашами,
За парту сели первый в жизни раз!

Вы повели нас по дороге знаний,
Отдав нам много силы и труда,
А сколько приложили вы стараний,
Чтоб мы учились хорошо всегда!

Спасибо вам, что вы нас так любили,
Хотя и строгой были к нам подчас,
За то, что вы нас мыслить научили,
За всё, за всё, что сделали для нас!

Лена Шиенкова, ученица 6-го класса 328-й школы.

Я увлекаюсь многими науками: математикой, физикой, географией. Часто бываю в планетарии. Однажды я была там на лекции «Ракетой на луну». Лекция произвела на меня сильное впечатление. Придя домой, я написала стихотворение «На луну». А потом размечталась и написала ещё «Мои мечты».

На Луну

Пока мечта, мечта лишь это,
Но очень скоро и она
Осуществится — и ракета
Пойдёт на курс Земля — Луна.

Быть может, мне в ракете этой
Придётся на Луну взлететь.
С Луны я буду на планету,
На Землю, на Москву смотреть!

В моей стране герои-люди,
Пред ними нет нигде преград.
Я знаю, что ракета будет
И на Луну всё ж полетят!

Мои мечты

На скалистой горе с головой снеговою,
Там, где нет ни жилья, ни огня, ни воды,
Ты ползёшь неизвестною узкой тропою,
Ищешь ты дорогого металла следы.

Да, геологом быть — это дело большое
И опасное, но для страны молодой
Человек с настоящей советской душою,
С сильным сердцем на подвиг готов на любой.

А матросом?.. Гроза, разыгралося море,
Твой корабль пляшет на разъярённых волнах,
Ты ведёшь его, с ветром, со штормами споря,
К солнцу ясному путь пробивая впотьмах.

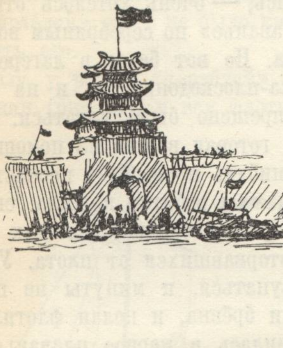
Это так интересно! С ветрами бороться,
Со стихией бороться, с природой самой!
Кто не думает, что о скалу разобьётся,
Тот выигрывает трудный, яростный бой.

Я хочу стать полезной любимой Отчизне.
Я в опасных походах хочу побывать.
Я хочу стать пилотом и штурманом в жизни
И геолога дело хочу я узнать.

Вова Никифоров, ученик 6-го класса 661-й школы.

Я интересуюсь международными событиями и читаю газеты Когда я прочёл, что китайская Народная армия взяла Нанкин, я очень обрадовался и написал стихи «Китайским коммунистам».

Китайским коммунистам

Всё больше паника вражьей стаи,
Бесятся капиталисты.
Ведь дали отпор вы им в Китае,
Китайские коммунисты!

Вся сущая правда в вашем плане,
И помыслы ваши чисты.
Так вместе же за мир стеною встанем,
Китайские коммунисты!

Так вместе ж пойдём вперёд неустанно,
Дорогой трудной, тернистой,
К победе близкой, такой желанной,
Китайские коммунисты!

А в стихотворении «Футбол» я попытался выразить свои впечатления от одного футбольного матча на московском стадионе «Динамо».

Футбол

Мне говорила мама:
«Тебя раздавят там!»
На стадион «Динамо»
Спешил я к двум часам.

На Южную трибуну
Давно купил билет:
Ведь я болельщик юный
За ЦДКА пять лет.

Денёк — второе мая!
Везде людей река:
Сегодня ведь играют
«Спартак» и ЦДКА!

Парад сегодня будет,
Откроется сезон.
И потому-то люди
Спешат на стадион.

Светлана Чернова, ученица 4-го класса 328-й школы.

Я очень люблю природу и много пишу про неё. Это стихотворение посвящено лету.

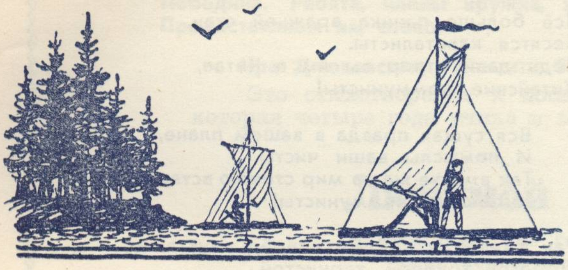
Мухомор

Иду по опушке лесной.
Комарики вьются у ног.
И вдруг мне попался смешной,
В коротенькой юбке грибок.

Он так прилепился у пня,
В красненькой шапке стоит,
Совсем не заметил меня,
Но ярко на солнце блестит.

СОВЕТЫ СТАРШЕГО ВОЖАТОГО

ПИОНЕРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

«Я очень интересуюсь водным спортом и хочу построить вместе со своими друзьями лодку с парусом, такую лодку, чтобы она шла по ветру и против ветра», — пишет в редакцию читатель нашего журнала Вадим Козлов из города Буя и просит выслать чертежи устройства простейшей парусной лодки.

Об этом же просит группа ребят из 2-й школы города Чебоксар и Володя Анфиногентов из Куйбышева со своими друзьями — Игорем Козловым, Шурой Евдокимовым и Володей Даниловым. Они тоже хотят построить парусную лодку и научиться управлять ею.

Замечательное дело задумали эти ребята! И надо помочь им осуществить его. Правда, не о настоящей парусной лодке и не о спортивной яхте пойдёт ниже речь. Это, пожалуй, не под силу вам, ребята. Давайте поговорим о самых простых парусных «кораблях»; в одном лагере существует целая флотилия таких кораблей. И, право же, плавать на них ничуть не хуже, чем на настоящих парусных лодках. А тому, кто научится управлять самодельным «кораблём», нестрашно будет выйти в плаванье и на спортивной яхте.

Вот как был построен этот флот.

Лагерь, в который приехали ребята, стоял в густом лесу на берегу одного из новых водохранилищ. Перед домом росли высокие сосны, и прямо из окон меж стволами деревьев виднелась сверкающая гладь воды. И, конечно, всем ребятам: и тем, что занимались в морском кружке, и тем, что не занимались, — очень хотелось отправиться в «дальнее плаванье» по серебряным волнам огромного водоёма. Но вот беда: в лагере была одна только лодка-плоскодонка, да и на ней строго-настрого запрещено было кататься. Она стояла на причале, готовая выйти на помощь в случае, если с кем-нибудь произойдёт несчастье на воде.

И вот однажды ребятам повезло: свежий ветер пригнал к берегу несколько больших брёвен, должно быть оторвавшихся от плота. Утром ребята побежали купаться, и минуты не прошло, как они оседлали брёвна, и целая флотилия «кораблей» отправилась в первое плаванье.

«Корабли» были, правда, не очень удобными: стоило чуть зазеваться, «корабль» перевёртывался, и экипажу приходилось спасаться вплавь.

Но так было только в первый день. «Перевёртывается «корабль»? Малая остойчивость? Значит, нужно увеличить её», — решили ребята и сколотили брёвна парами, вот так (рис. 1). «Кораблей» стало вдвое меньше, но зато на них уже можно было плавать, не замочив ног, и перевернуть такой «корабль» было почти невозможно. Только грести было не очень удобно: приходилось сидеть скорчив ноги и подгребаться досками.

Снова началась работа. Зазвенели пилы, застучали топоры и молотки, и к вечеру «корабли» стали совсем похожими на настоящие галеры: ребята поставили на брёвна козла, приладили высокие «банки», сделали верёвочные уключины и вёсла из досок (рис. 2). Теперь можно было отправляться в настоящее плаванье, и на каждом «корабле» был торжественно поднят флаг.

Но и на этом не успокоились юные моряки. Скоро на одном, а потом и на остальных «кораблях» появились рули, и плавать стало ещё удобнее (рис. 3).

А тут кому-то пришло в голову поднять на своём «корабле» парус (рис. 4). Понятно, что в тот

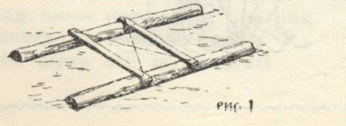

рис. 1

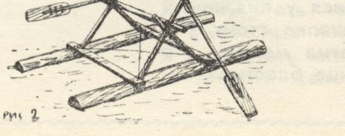

рис. 2

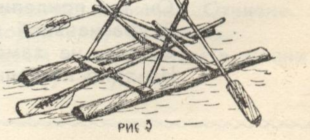

рис. 3

же день и на других суднах подняли мачты, и над пустынными волнами водохранилища забелели паруса. Но сколько ни бились юные капитаны, они никак не могли заставить свои «корабли» плыть в лавировку, против ветра.

Пришлось заняться теорией судостроения. Не идёт корабль при боковом ветре, — значит, велик дрейф, слишком сильно корабль сносит течением. Что делать? Моделисты отлично знают это: надо увеличить боковое сопротивление, прибавить киль. А у этих «кораблей» вовсе не было киля. Значит, нужно сделать его.

Почти сразу у всех «кораблей» появились вот такие кили (рис. 5), и вся флотилия чудесным образом побежала вдоль берега, хотя ветер дул прямо «с моря».

А потом начались усовершенствования в устройстве парусов, и скоро весь флот был вооружён гафельными парусами вот такого устройства (рис. 6). И «корабли» хоть не очень быстро, но зато безопасно и уверенно, при любом ветре шли туда, куда направляла их воля капитанов.

Вот так был построен пионерский парусный флот в лагере. И сколько славных походов совершил этот флот, сколько «морских сражений» разыгралось перед окнами лагеря, сколько чудесных воспоминаний увезут ребята домой!

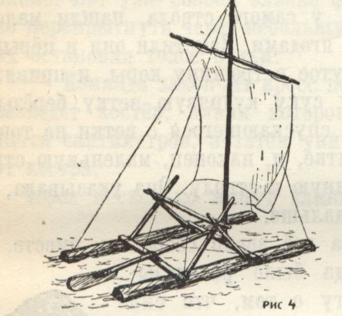

Рис 4

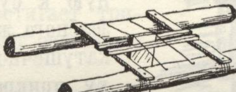

Рис. 5

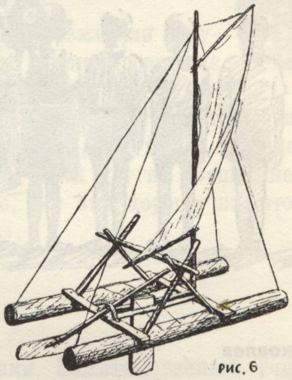

Рис. 6

Дорогие ребята!

Сейчас у вас самое весёлое время. Лето в разгаре, каждый день приносит новые, неизгладимые впечатления, новые знания, новые достижения, а порой новые трудности и неудачи.

Но сколько бы ярких, радостных, незабываемых дней ни принесло вам лето, есть среди них такие, которые глубже других оставили след в вашей памяти, запомнились, как светлые, радостные праздники.

Вспомнишь такой день — и кажется, никакая сила не заставит забыть его. Но пройдёт время, и новые впечатления вытеснят его из памяти.

А жаль! Ведь обидно растерять воспоминания о чудесных летних днях, о замечательных событиях и случаях. Обидно не поделиться с товарищами своими радостями, не сделать их участниками своих приключений.

И вот что мы предлагаем вам, ребята.

Напишите в наш журнал о событиях, случаях и приключениях, которые этим летом оставили самый яркий след в вашей памяти.

Расскажите так, как сумеете. Пусть это будет рассказ или маленькая повесть, стихи или частушки, короткая деловая заметка или серьёзная, обстоятельная статья. Это может быть картина в красках или простой карандашный рисунок, это может быть песня, сложенная вместе с товарищами, или хороший фотоснимок...

Макет интересного места, модель замечательного сооружения, чучело зверя, редкий цветок, искусно засушенный в песке, игрушка-самоделка, забавная кукла могут без слов рассказать о том, что вы видели летом, как выслеживали добычу, как веселили друзей у костра, показывая им кукольное представление.

Мы выберем самые лучшие из ваших рассказов, стихов, рисунков и самоделок, поместим в журнале и дадим возможность всем нашим читателям ещё раз вместе с вами вспомнить и пережить впечатления летних дней.

ТАК БЫЛО В ОДНОМ ЛАГЕРЕ

В. Яковлев **Рис. Я. Титова**

Путешествие «скороходов»

После полдника лучшие пионерские звенья — по одному от каждого отряда — выстроились на линии старта. Неподалёку собралась большая толпа ребят: каждый из них «болеет» за команду своего отряда.

Судья объявляет маршрут: кросс проходит вокруг лагеря. В пути «скороходам» предстоит преодолеть множество препятствий. Победит тот, кто раньше всех придёт к финишу. Идти разрешается только шагом.

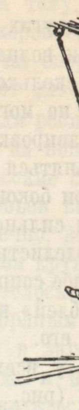
— Внимание! Марш! — раздалась команда.

Одно за другим через каждые пять минут стартовали звенья. Быстрым шагом уходили ребята по пути, обозначенному флажками-указателями.

Вот и большой камень. От него расходятся две тропинки: налево идёт дорога «не зевай», направо — «примечай». Какую из них выбрать?

Ребята разделяются: двое уходят налево, остальные бодро шагают направо.

По тропе «не зевай» расставлены дорожные знаки с номерами звеньев. Не так легко найти эти знаки! Пионеры звена, ушедшего со старта первыми, подошли уже к сборному пункту, но так и не обнаружили шестой знак. Пришлось им повернуть назад и ещё раз прогуляться по тропинке «не зевай». А незамеченный дорожный знак — стрелка с номером звена — был вырезан на шляпке огромного мухомора, который рос у самой тропинки.

Скороходы, пошедшие по дороге «примечай», вскоре увидели дерево, на котором надо было обнаружить шесть особых примет. Ребята быстро справились с этой задачей и разыскали в густой листве «засекреченной» ольхи дуплянку, а между корней дерева, у самого ствола, нашли маленькое лукошко с ягодами. Заметили они и пёрышко чижика, засунутое в трещину коры, и привязанную к сухому суку кудрявую ветку берёзы, и зелёного жука, спускающегося с ветки на тонкой катушечной нитке, и, наконец, маленькую стрелку, прикреплённую к стволу. Она указывала, куда звену идти дальше.

Вскоре снова всё звено собралось вместе. Но ребятам некогда было рассказывать друг другу о том, что они видели: надо спешить дальше — к финишу.

Вот линия флажков подошла к водной преграде. Через мелкий пруд перекинуты две толстые верёвки. Концы их связаны и закреплены за деревья на противоположных берегах пруда. К верёвкам прикреплён плотик. Потянешь за верёвку — и плотик пойдёт к противоположному берегу. Так по одному переправилось всё звено. Плотик отвели к покинутому берегу и снова, не теряя времени, пустились в путь — прямо к гимнастическому городку.

Здесь на перекладине подвешен шест, а под шестом очерчен двумя линиями «ров». Надо ухватиться за шест и, повиснув, «пролететь» надо рвом. Один, другой, третий... Все ребята благополучно переправились через «ров» и поспешили к «дереву охотника», на котором укреплено чучело тетерева.

В пяти метрах от дерева в ящике лежат увесистые еловые шишки.

— Ну-ка, попробуйте сбить эту птицу, — сказал судья.

После второго «залпа» под громкие крики болельщиков «тетерев» упал на землю. Судья вручил удачливым «охотникам» небольшой конверт. В нём оказался план лагеря. На плане крестиком отмечено место неподалёку от финиша.

Ребята кинулись к месту, обозначенному на плане. Вот уже совсем близко финиш, надо только перепрыгнуть через небольшую канаву. Но тут их остановил голос судьи:

— Команда закончит кросс после того, как она разведёт костёр, пламя которого достигает тридцати сантиметров, а затем уничтожит все следы от костра.

Через несколько минут длинный язычок пламени костра, сложенного «шалашиком», уже лизал бечёвку, натянутую между рогульками. Ещё мгновение — и верёвка перегорела. Несколько пар рук быстро сбили огонь песком, закопали угли и обгоревшие сучья и чисто подмели кострище. Судья, внимательно наблюдавший за работой ребят, засёк время.

— Ваше звено стартовало в 17 часов 25 минут 00 секунд, пришло к финишу в 17 часов 44 минуты 30 секунд; время звена — 18 минут 30 секунд! — объявил он.

Одна за другой разжигали и тушили костры финишировавшие команды. Когда на вечерней линейке были объявлены результаты соревнования «скороходов», на первом месте оказалось звено первого отряда. Но и другие звенья не намного отстали. Видно, все они хорошо подготовились к «путешествию».

Школа звеньевых

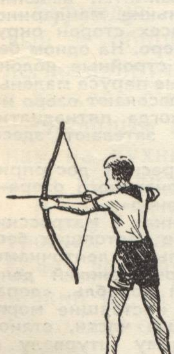
Но самое интересное заключалось в том, что ребята специально совсем не готовились к соревнованию. В этом лагере все ребята любили физкультуру и, наверно, большинство из них не растерялось бы, встретив, подобно нашим «скороходам», препятствия на своём пути.

Один или два раза в неделю вожатый или руководитель физкультуры собирали звеньевых и занимались с ними. Вожатые звеньев учились раскладывать костры, распознавать дорожные знаки, бегали, прыгали, метали гранату и копьё, ходили «в разведку», играли в различные игры. На каждом занятии в «школе звеньевых» они узнавали что-нибудь интересное и новое.

А потом эти ребята проводили разнообразные и увлекательные сборы своего звена. Всё, что они узнавали в «школе звеньевых», они передавали другим пионерам.

И поэтому все ребята смогли бы принять участие в «путешествии скороходов» и, наверно, пришли бы к финишу с хорошими результатами.

Лагерный тир

Витя Женевский первым сделал себе лук и стрелы. Вслед за ним и другие ребята вооружились с головы до ног. Вскоре непрерывно летающие стрелы над лагерем заставили совет дружины обсудить этот вопрос: неорганизованная стрельба из лука могла принести немало неприятностей.

Было решено: запретить стрельбу из лука в лагере, а для лучников устроить тир у песчаного оврага. Витя Женевский был назначен директором тира. Все луки и стрелы бережно хранились в ящике. У песчаного обрыва были расставлены мишени: вырезанная из фанеры голова Соловья-разбойника, раскрашенное яблочко на блюдечке, которое нужно было сбить с расстояния в десять шагов, движущаяся мишень волка, 12 колец, сделанных из проволоки и обвитых зеленью для лучшей видимости (сколько колец пробьёт стрела, столько очков получает стрелок).

В тире проводились состязания на лучшего лучника отряда и лагеря. И немало ребят оказались меткими стрелками.

Турнир мяча

Во втором отряде девочек был проведён интересный турнир: надо было одно за другим выполнить четыре упражнения с мячом. Упражнения выполнялись на дорожке длиной в 25 метров, расчерченной поперечными линиями на расстоянии в один метр друг от друга.

Сначала надо было, подбросив мяч вперёд и вверх, поймать его на первой полоске, затем, встав на прежнее место, бросить и поймать мяч уже на второй полоске, потом — на третьей и так далее. За каждую пройденную полоску участники турнира получали одно очко.

Затем нужно было выполнить такие упражнения: отбивая мяч о землю по два раза на каждой полоске, пройти с мячом возможно большее число полосок, не сбиваясь; пройти по дорожке, то подбивая мяч ладонью о землю, то отбивая его ладонью вверх попеременно.

Чемпионом турнира была объявлена Нина Пешкова. Она набрала 50 очков! Игрой в мяч заинтересовались и другие ребята. И вскоре такие турниры стали проводиться во многих звеньях и отрядах.

Матчи дружбы

За лето ребята подружились с деревенскими пионерами. Часто устраивались спортивные встречи, немало было проведено «матчей дружбы» по русской лапте между сборной лагерной и командой колхозных ребят.

Разгорались жестокие бои, которые проходили с переменным успехом. Но девочки заранее готовили два больших букета: для победителей и побеждённых.

Деревенские ребята научили городских игре в бабки. Шеф-повар заботливо приготовил два набора бабок, по десять штук, да в придачу к каждому набору по «битку». Ребята научились бить метко и точно, по-суворовски. Они выстраивали «забор» из десяти бабок, и надо было с расстояния в четыре метра с правого или с левого конца сбить все бабки. Если сбивалась бабка не по порядку, то весь забор ставился вновь.

Спортивные игры сделали ребят сильными и ловкими, развили в них смекалку и глазомер. Недаром многие из старших ребят, уезжая домой, увезли с собой листочки, в которых было записано, что они сдали нормы на значок БГТО.

Команда теплохода «Пионер» подымается на борт.

Фото Е. Микулиной

Есть в городе Батуми, в пионерском парке имени Л. П. Берия, чудесное озеро Нури-Гель.

Чинары и эвкалипты, высокие бамбуки и маленькие мандариновые деревья со всех сторон окружают это тихое озеро. На одном берегу его высятся стройные колонны пристани. Белые паруса маленьких яхт смело пересекают озеро из конца в конец, когда пятнадцатилетние капитаны затевают здесь гонки.

Но самая интересная достопримечательность пионерского озера — это теплоход «Пионер».

В белых форменках с матросскими воротниками, в настоящих бескозырках с весёлыми ленточками батумские пионеры каждый день приходят на свой корабль, «лопатят» палубу, как настоящие моряки, «драят» медные части, становятся к настоящему штурвалу и по настоящему компасу прокладывают путь по спокойным водам озера Нури-Гель.

Всего два года плавает «Пионер» в батумском детском парке, но вряд ли найдётся в Батуми пионер, который не совершил бы рейса по озеру Нури-Гель.

ДВА ДРУЖКА

(Рассказ-быль)

Владимир Веров **Рис. Г. Никольского**

На севере водится такой зверёк — бурундук. Маленький, с пёстрой шкуркой, всегда живой и весёлый, он быстро бегает по лесу, подняв хвостик трубой.

Всё лето бурундук проводит в оживлённой, хозяйственной деятельности, заготавливая для себя запасы.

Поздней осенью бурундучок залезает в нору и всю зиму проводит в ней в спячке. Тут же находится и его кладовая, где аккуратно сложено на весну утащенное из ближайших конюшен или складов зерно: ячмень, овёс, пшеница — и любимое лакомство бурундучка — кедровые и стланниковые орехи.

Бурундук — очень смышлёный, весёлый и общительный зверёк. Бурундука легко приручить, если прикармливать его и ласково с ним обращаться.

Прошлым летом, уже ближе к осени, к нам на кухню лесозаготовительного участка повадился ходить бурундучок.

В этот год как раз был неслыханный урожай стланниковых шишек. У всех рабочих лесозаготовок были набраны целые мешки их, а вылущенные и высушенные на солнце орехи хранились в кладовой при кухне.

Бурундучок учуял это и начал таскать орехи из кладовой. Пришлось убрать их в более безопасное место. Но бурундучок продолжал наведываться на кухню в поисках продовольствия.

Он понравился нашему повару своей настойчивостью, хитростью и ловкостью, и тот решил приручить бурундучка.

Начал он с того, что клал орешки на полу посредине кухни. Бурундук сперва дичился, боялся подойти к орехам в присутствии человека и забирал их только ночью. Но вскоре так осмелел, что стал брать орехи и днём. Затем он уже хватал их прямо со стола. Храбро прыгал сначала на табурет, потом на стол и набивал себе полный рот орехами.

Рот у бурундучка устроен очень интересно: щёки у него способны так сильно растягиваться, что бурундук может набрать бездну всякой всячины. Не рот, а целая кладовая! Нахватает полон рот — и тащит всё в норку.

Когда бурундук вот так набьёт себе щёки орехами или зерном, он становится очень похожим на бульдога. Поэтому мы прозвали нашего бурундучка Бульдей. Бывало, только мелькнёт в кустах его тонкий хвостик, а уже все кричат ему: «Бульдя, Бульдя!» Зверёк скоро привык к своей кличке и, как собака, бежал на зов.

В конце концов наш Бульдя до того расхрабрился, что стал взбираться к повару на колени и брать у него орехи прямо из рук. Он очень любил ласку и ёжился от удовольствия, когда повар гладил его по спинке.

Зверёк так привык к повару, что расхаживал по кухне, как по знакомому, родному лесу. Только горячую плиту он всегда осторожно обходил, чуя в этом раскалённом докрасна чудовище опасного врага.

Умён был Бульдя необычайно. Он быстро познакомился с распорядком работы на лесозаготовках и приходил в кухню только тогда, когда рабочие были в лесу на работе. Никогда не появлялся он на кухне в обеденный перерыв, так как в это время в столовой и возле кухни было

очень людно, а он боялся и не любил посторонних людей. По-настоящему привязан он был к одному только повару. Казалось, бурундучок завёл у себя в норке часы — так аккуратно и безошибочно посещал он своего приятеля.

Как-то раз Бульдя привёл с собой на кухню другого бурундучка. И мы поняли, почему он это сделал. Близилось время, когда нужно было уходить в норку на всю зиму, а продуктов, орехов и всякого зерна на кухне была целая пропасть. Бульдя решил помочь товарищу: всё равно он один не успел бы перетаскать огромные кухонные запасы!

Как всегда, он весело вбежал на кухню и сразу вскочил на стол. Повар положил себе на ладонь горсть орешков и протянул их Бульде. Но тот вместо того, чтобы усесться и запихивать себе в рот орешки, вдруг повернулся, соскочил со стола, подбежал к дверям кухни и остановился на пороге, подняв кверху свой длинный хвостик.

К дверям робко приблизился другой бурундучок, как две капли воды похожий на нашего Бульдю. Подошёл к порогу и в нерешительности остановился.

Бульдя махнул хвостиком и смело направился к кухонному столу, как бы говоря товарищу: «Не бойся! Иди за мной».

Но новичок не двинулся с места. Оглядываясь и вздрагивая от каждого шороха, он стоял у порога, готовый в любой миг пуститься наутёк. Всё его маленькое тельце говорило о предельном напряжении его чувств: слуха, зрения и обоняния.

Бульдя опять вскочил на стол и обернулся к трусишке, как бы говоря ему: «Видишь, я не боюсь? И тебе нечего бояться».

Но бурундучок не двигался с места.

Тогда Бульдя забрал у повара с руки все орешки, туго набил ими рот и, спрыгнув со стола, подбежал к товарищу. Уже за порогом он вывалил орехи на землю и немедленно вернулся на кухню за новой порцией.

Новичок, оглядываясь по сторонам, молниеносно забрал оставленные ему Бульдей орехи и скрылся в кустах, вильнув хвостиком.

Следом за ним исчез в кустах и Бульдя.

В течение дня они оба несколько раз появлялись на территории лесоучастка, но Бульде так и не удалось в этот день заставить своего друга побороть страх и зайти на кухню.

Всё же через несколько дней и новичок расхрабрился, вошёл на кухню и взял орехи с пола.

Через неделю в кухне можно было наблюдать такую картину: на одной руке у повара сидел Бульдя и набивал себе рот орехами, а на другой — его дружок, маленький бурундучок.

Однажды, когда оба бурундучка сидели у повара на руках, кто-то из любопытных осторожно взял бульдиного дружка за хвостик. Бурундучок рванулся и, оставив у любопытного в руке кончик своего хвоста, исчез в кустах. Следом за ним убежал и Бульдя.

Целую неделю оба бурундучка не появлялись на кухне. Мы звали Бульдю по имени, свистели, клали орехи кучками прямо на землю, неподалеку от кухни, но бурундуки как в воду канули.

Только через неделю Бульдя появился возле кухни. Появился один и долго не решался войти внутрь. Понадобилось несколько дней, чтобы вновь приучить его брать орехи из рук. Но его дружок так и не показался больше на территории наших лесозаготовок.

В воздухе чувствовалось приближение зимы.

Бульдя бывал у нас уже не каждый день. Он, видимо, усиленно занимался подготовкой своей квартиры и кладовой к зиме.

Он стал очень осторожен и чуток. Особенно боялся он, чтобы кто-нибудь не выследил место его жилья.

Он хитро прибегал к нам каждый раз с новой стороны и убегал, петляя по лесу, как лиса.

За несколько дней до первого снега Бульдя исчез. Мы поняли, что пришла зима.

Так больше мы и не увидели нашего весёлого, хозяйственного, умного бурундучка и его трусливого товарища.

В ночное

В ночное,
в ночное,
в ночное
По улицам мчится отряд,
Дорогой, иссохшей от зноя,
Туда, где луга и закат!

Ждёт всадников шумная речка,
Ночёвка в кустах у огня.
В ладонях зажаты уздечки,—
У каждого по три коня.

Буланые и вороные
Вернулись с колхозных полей,
Галопом летят пристяжные,
Глядит коренник веселей...

Он днём хорошо поработал,
И отдых заслужен вдвойне:
Три года с сапёрною ротой
Чубарый провёл на войне.

Впрягался в тачанку Чубарый
И кухню возил под огнём,
Вернулся он сытым, нестарым,
Исправным колхозным конём.

Вернулся в колхозе работать,
Пахать огороды весной,
В полях, потемневших от пота,
Под солнцем шагать с бороной,

Мешки подвозить с семенами,
С пшеничным тяжёлым зерном,
Скакать по лугам с табунами,
Гулять до рассвета в ночном.

Мелькают стога и амбары,
С лугов потянуло росой,
Привычно сидит на Чубаром
И правит парнишка босой.

Курносый, в рубашке короткой,
Он мало похож на бойца,
И лишь фронтовая пилотка
Досталась ему от отца.

Но он на коне, как Доватор,
Ведёт свою конницу в бой,
А дальнего грома раскаты
Так схожи с далёкой стрельбой...

Хлебами, что встали стеною,
Дорогой, бегущей в закат,
В ночное,
в ночное,
в ночное
Несётся ватага ребят.

З. Александрова

ОТОВСЮДУ

Ваточник

На Украине и на Северном Кавказе, в степи, на пустырях, у дорог часто встречаются невысокие кусты многолетнего растения, которое долго считали сорняком.

Ранней весной кусты его покрываются кистями светлокрасных или лиловатых цветов, распространяющих сильный и нежный аромат. А когда цветы отцветут, растение покрывается семенами-летучками, покрытыми белыми пушистыми волосками, словно комочками ваты,— вот почему его и называют «ваточник».

На ваточник долго не обращали никакого внимания. Потом случайно заметили, что он цветёт очень обильно с ранней весны и до поздней осени, и всё время вокруг него вьются и жужжат пчёлы, шмели и другие насекомые: их привлекает аромат и сладкий сок цветов. Ваточник стали разводить как медоносное растение.

Потом у ваточника обнаружили ещё и другие полезные качества. Из стеблей его можно изготовлять бумагу высокого качества; из цветов — прекрасные духи; летучки семян дают вату; из семян выжимают масло, пригодное для технических целей. И, наконец, в листьях, сок которых ядовит, обнаружили особое вещество — очень сильный яд, убивающий вредных насекомых. Если порошок из сухих листьев ваточника всыпать в водоём, заражённый малярийным комаром, то все личинки комара погибнут.

Вот почему за последние годы опытники сельского хозяйства стали разводить ваточник как культурное растение.

Ваточник очень неприхотлив. Размножается вегетативно, отпрысками, и может расти на любых участках, непригодных для других культурных растений.

Черви под клёном

Студент Киевского института лесного хозяйства тов. Пастернак заинтересовался дождевыми червями. Какое значение они имеют для лесных полос? Оказывается, большое: черви прокладывают в земле ходы, рыхлят почву; по этим ходам вода легко проникает вглубь, а не бесполезно испаряется.

Дождевые черви любят селиться под корнями деревьев, поэтому в лесных полосах их больше, чем в поле. Студент Пастернак изучал деревья разных пород, но чаще всего он находил червей под серебристыми клёнами. Значит, этот вид клёна полезно сажать и сеять в лесных полосах.

Чудесные плёнки

Всем известно, что железо и сталь быстро ржавеют. А вот алюминиевые изделия не боятся ржавчины. Сколько ни живёт, например, алюминиевая кастрюля, она все остаётся такой же тусклоблестящей, как и в день своего рождения.

Мы знаем, почему ржавеют железо и сталь: кислород, находящийся в воздухе или в воде, соединяется с ними, и получается новое вещество бурого цвета— окисел железа. Это и есть ржавчина.

А что же мешает кислороду соединяться с алюминием? Может быть, алюминий — металл «необщительный» и вовсе не склонен к химическим соединениям? Но химики утверждают, что алюминий куда активнее железа и охотнее вступает в химические реакции. Значит, дело не в этом. Секрет стойкости алюминия в том, что он покрыт очень тоненькой плёнкой особого вещества. Она-то и защищает его, словно панцырь, от действия кислорода. Образуется эта плёнка на алюминии от действия воздуха на металл, так же как ржавчина на железе.

Но как только появился тоненький слой этой алюминиевой ржавчины, так и кончилось действие воздуха на металл. Плёнка эта хоть и тонкая, но такая прочная и плотная, что воздух сквозь неё не проходит.

Чтобы легче было понять, как рождается плёнка на алюминии и как она его защищает, проделаем такой опыт. Возьмём немного муки, спрессуем её руками в комок и бросим в чашку с водой. Дадим комку поплавать минуту—две, а потом вытащим.

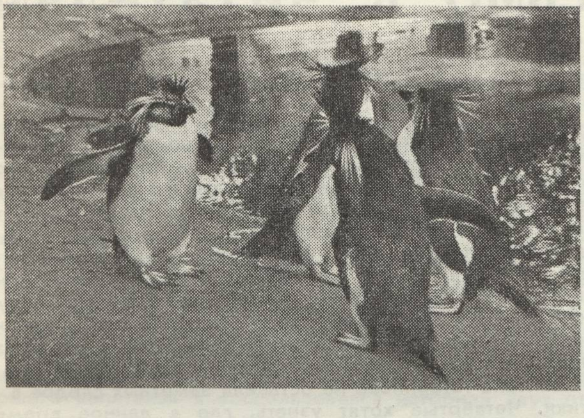
Кажется, комок насквозь должен быть сырым. Разрежем его— почти вся мука суха. Только поверхность размокла, превратилась в тесто.

Так же, как вода на комок муки, действует и воздух на алюминий. Только плёнка получается очень тонкая, почти невидимая.

В том, что такая плёнка на алюминии есть, может убедиться каждый. Почистите какую-нибудь алюминиевую вещь наждаком или напильником — металл заблестит: это вы счистили плёнку. А полежит эта начищенная вещица немного — и снова потускнеет: вновь образовалась плёнка.

Не только на алюминии есть плёнка. Защитными плёнками покрываются и свинец, и олово, и многие другие металлы. Разрежьте кусочек свинца — срез будет блестящий, а полежит немного

И ОБО ВСЕМ

На самолёте в зоопарк

Эти важные птицы с красивыми золотистыми хохолками на голове (поэтому они и называются золотоволосыми пингвинами) совершили дальнее путешествие.

Поймали их на одном из необитаемых островков Южного полушария моряки советского китобойного судна «Слава». Они заботливо ухаживали за своими пленниками, кормили их китовым мясом. Пингвины привыкли к морякам и доверчиво берут корм из рук человека.

Вернувшись на Родину, советские китобои на самолёте отправили золотоволосых пингвинов в Московский зоопарк.

Велосипедный радиоприёмник

Такой приёмник сделали две девочки-спортсменки, увлекающиеся и велосипедным спортом и радиоконструированием, ученицы 9-го класса 165-й московской школы Тоня Тишулина и Рита Иванова.

Велосипедный приёмник должен быть очень маленьким и удобным для управления на ходу, не должен бояться тряски. Юные радиоконструкторы преодолели все трудности.

Конечно, надевать наушники и слушать радиопередачи во время поездки по городу или на оживлённых магистралях ни в коем случае нельзя. Но в далёких путешествиях и особенно на привалах очень приятно послушать радиопередачу.

свинец — и срез потускнеет: тоже плёнка появилась.

Теперь мы знаем, что есть такие «счастливые» металлы, на поверхности которых всегда есть защитные плёнки. А как же быть с такими металлами, как железо?

Обычно, чтобы уберечь от ржавчины, железо красят, покрывают никелем, хромом. Но это не всегда удобно. Куда лучше была бы плёнка, подобная той, что на алюминии. И вот химики решили создать такую плёнку. Они подобрали вещества, которые действуют на железо так же, как воздух действует на алюминий. Плёнка получилась надёжная, чёрная, как воронье крыло. Отсюда и назван этот способ защиты металла воронением.

Защитные плёнки образуются и на других веществах: иногда сами собой, иногда их создают искусственно.

Несколько лет назад строители, собиравшиеся возводить электростанцию на одной из наших рек, были серьёзно озабочены. Геологи сообщили им: там, где будет стоять плотина, лежит песок, ниже — слой минерала мергеля (смесь глины с известняком), а ещё ниже находятся залежи каменной соли. Вот эта соль и волновала строителей. Ведь когда реку запрут плотиной, вода начнёт просачиваться вглубь, дойдёт до соли, растворит её и устроит себе лазейку под плотину, а потом размоет соляной пласт, образуется пустота, и вся станция обрушится. Впору было отказаться от постройки станции на этом месте.

На выручку строителям пришли химики. Они предложили пробуравить в дне реки много отверстий, достигающих слоя мергеля, и накачать в них раствор железного купороса. Этот раствор растечётся по поверхности мергеля и вступит с ним в химическую реакцию. Всюду, куда попадёт железный купорос, образуется вещество, называемое гидроокисью железа. А оно в воде не растворяется и воду не пропускает. Этого вещества на мергеле будет совсем немного — тоненькая плёнка, но она будет отлично задерживать воду. Река потечёт словно по железному жёлобу, ни капли вглубь не просочится. Предложение химиков решили проверить. Поставили опыты в лаборатории. И действительно, плёнка совсем не пропускала воду.

Трудно заметить плёнку на алюминии, но учёные разглядели её и изучили. А потом сами научились создавать защитные плёнки там, где это нужно.

Г. Остроумов

Долгие годы Корея была колонией японского империализма. Ей принесла освобождение Советская Армия. Наши кинооператоры Б. Небылицкий и Г. Бунимович путешествовали по Северной Корее с киноаппаратом. Вернувшись, они написали книгу о том, как начал жить по-новому свободный народ Северной Кореи.

Эту книгу Издательство детской литературы подготовило к юбилею великого польского поэта Адама Мицкевича. В неё вошли лирические стихотворения, народные баллады, поэмы Мицкевича.

Всю свою жизнь, все свои силы отдал Мицкевич борьбе за освобождение порабощённой Польши. Его поэзия — это страстный призыв к борьбе за независимость.

Мицкевич прожил несколько лет в России. Он был близок с Пушкиным, Рылеевым, Бестужевым-Марлинским. Пушкин переводил его стихи и сам посвятил ему стихотворение «Он между нами жил». Мицкевича переводили Лермонтов, Майков, Фет, Брюсов, Бунин. Произведения Мицкевича в их переводах, а также в переводах советских поэтов Асеева, Антокольского и других помещены в книге «Избранное».

Письмо к читателям

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Мне уже случалось отвечать на ваши письма по поводу моего романа «Два капитана», но, должно быть, многие из вас не слышали моего ответа (я выступал по радио), потому что письма продолжают приходить. Оставлять письма без ответа невежливо, и я пользуюсь случаем, чтобы принести извинения всем моим корреспондентам — маленьким и взрослым.

Вопросы, которые задают мои корреспонденты, касаются прежде всего двух главных героев моего романа — Сани Григорьева и капитана Татаринова. Многие ребята спрашивают: не рассказал ли я в «Двух капитанах» собственную жизнь? Другие интересуются: выдумал ли я историю капитана Татаринова? Третьи разыскивают эту фамилию в географических книгах, в энциклопедических словарях — и недоумевают, убеждаясь в том, что деятельность капитана Татаринова не оставила заметных следов в истории завоевания Арктики. Четвёртые хотят узнать, где в данное время живут Саня и Катя Татаринова и какое воинское звание присвоено Сане после войны. Пятые делятся со мной впечатлениями от романа, прибавляя, что они закрывали книгу с чувством бодрости, энергии, думая о пользе и счастье Отчизны. Это самые дорогие письма, которые я не мог читать без радостного волнения. Наконец, шестые советуются с автором, какому делу посвятить свою жизнь.

Мать самого озорного в городе мальчика, шутки которого граничили порой с хулиганством, написала мне, что после чтения моего романа её сын совершенно переменился. Режиссёр белорусского театра пишет мне, что юношеская клятва моих героев помогла его труппе своими руками восстановить разрушенный немцами театр. Юноша-индонезиец, отправлявшийся на родину, чтобы защищать её от нападения голландских империалистов, написал мне, что «Два капитана» вложили в его руки острое оружие и это оружие называется «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Я писал роман около пяти лет. Когда первый том был закончен, началась война, и лишь в начале сорок четвёртого года мне удалось вернуться к своей работе. Первая мысль о романе возникла в 1937 году, когда я встретился с человеком, который под именем Сани Григорьева выведен в «Двух капитанах». Этот человек рассказал мне свою жизнь, полную труда, вдохновения и любви к своей Родине и своему делу.

С первых страниц я взял за правило не выдумывать ничего или почти ничего. И действительно, даже столь необычайные подробности, как немота маленького Сани, не выдуманы мною. Его мать и отец, сестра и товарищи написаны именно такими, какими они впервые предстали передо мной в рассказе моего случайного знакомого, впоследствии ставшего моим другом. О некоторых героях будущей книги я узнал от него очень мало; например, Кораблёв был нарисован в этом рассказе лишь двумя—тремя чертами: острый, внимательный взгляд, неизменно заставлявший школьников говорить правду, усы, трость и способность засиживаться над книгой до глубокой ночи. Остальное должно было дорисовать воображение автора, стремившегося написать фигуру советского педагога.

В сущности, история, которую я услышал, была очень проста. Это была история мальчика, у которого было трудное детство и которого воспитало советское общество — люди, ставшие для него родными и поддержавшие мечту, с ранних лет загоревшуюся в его пылком и справедливом сердце.

Почти все обстоятельства жизни этого мальчика, потом юноши и взрослого человека сохранены в «Двух капитанах». Но детство его проходило на Средней Волге, школьные годы — в Ташкенте — места, которые я знаю сравнительно плохо. Поэтому я перенёс место действия в свой родной городок, назвав его Энском. Недаром же мои земляки легко разгадывают подлинное название города, в котором родился и вырос Саня Григорьев! Мои школь-

ные годы (последние классы) протекли в Москве, и нарисовать в своей книге московскую школу начала двадцатых годов я мог с большей верностью, чем ташкентскую, которую не имел возможности написать с натуры.

Здесь, кстати, уместно будет вспомнить ещё об одном вопросе, который задают мне мои корреспонденты: в какой мере автобиографичен роман «Два капитана»? В значительной мере всё, что видел с первой до последней страницы Саня Григорьев, видел собственными глазами автор, жизнь которого шла параллельно жизни героя. Но когда в сюжет книги вошла профессия Сани Григорьева, мне пришлось оставить «личные» материалы и приняться за изучение жизни лётчика, о которой я прежде знал очень мало. Вот почему, дорогие ребята, вы легко поймёте мою гордость, когда с борта самолёта, направившегося в 1940 году под командованием Черевичного на исследование высоких широт, я получил радиограмму, в которой штурман Аккуратов от имени команды приветствовал мой роман.

Должен заметить, что огромную, неоценимую помощь в изучении лётного дела оказал мне старший лейтенант Самуил Яковлевич Клебанов, погибший смертью героя в 1943 году. Это был талантливый лётчик, самоотверженный офицер и прекрасный, чистый человек. Я гордился его дружбой.

Трудно или даже невозможно с исчерпывающей полнотой ответить на вопрос, как создаётся та или другая фигура героя литературного произведения, в особенности если рассказ ведётся от первого лица. Помимо тех наблюдений, воспоминаний, впечатлений, о которых я написал, в мою книгу вошли тысячи других, которые не относились непосредственно к истории, рассказанной мне и послужившей основой для «Двух капитанов». Вы, разумеется, знаете, какую огромную роль в работе писателя играет воображение. Именно о нем-то и нужно сказать прежде всего, переходя к истории моего второго главного героя — капитана Татаринова.

Не ищите этого имени, дорогие ребята, в энциклопедических словарях! Не старайтесь доказывать, как это сделал один мальчик на уроке географии, что Северную Землю открыл Татаринов, а не Вилькицкий. Для моего «старшего капитана» я воспользовался историей двух отважных завоевателей Крайнего Севера. У одного я взял мужественный и ясный характер, чистоту мысли, ясность цели — всё, что отличает человека большой души. Это был Седов. У другого — фактическую историю его путешествия. Это был Брусилов. Дрейф моей «Св. Марии» совершенно точно повторяет дрейф брусиловской «Св. Анны». Дневник штурмана Климова, приведённый в моём романе, полностью основан на дневнике штурмана «Св. Анны», Альбанова — одного из двух, оставшихся в живых участников этой трагической экспедиции. Однако только исторические материалы показались мне недостаточными. Я знал, что в Ленинграде живёт художник и писатель Николай Васильевич Пинегин, друг Седова, один из тех, кто после его гибели привёл шхуну «Св. Фока» на Большую Землю. Мы встретились — и Пинегин не только рассказал мне много нового о Седове, не только с необычайной отчётливостью нарисовал его облик, но объяснил трагедию его жизни — жизни великого исследователя и путешественника, который был не признан и оклеветан реакционными слоями общества царской России.

Летом 1941 года я усиленно работал над вторым томом, в котором мне хотелось широко использовать историю знаменитого лётчика Леваневского. План был уже окончательно обдуман, материалы изучены, первые главы написаны. Известный учёный-полярник Визе одобрил содержание будущих «арктических» глав и рассказал мне много интересного о работе поисковых партий. Но началась война, и мне пришлось надолго оставить самую мысль об окончании романа. Я писал фронтовые корреспонденции, военные очерки, рассказы. Однако, должно быть, надежда на возвращение к «Двум капитанам» не совсем покинула меня, иначе я не обратился бы к редактору «Известий» с просьбой отправить меня на Северный флот. Именно там, среди лётчиков и подводников Северного флота, я понял, в каком направлении нужно работать над вторым томом романа. Я понял, что облик героев моей книги будет расплывчат, неясен, если я не расскажу о том, как они вместе со всем советским народом перенесли тяжёлые испытания войны и победили.

По книгам, по рассказам, по личным впечатлениям я знал, что́ представляла собой в мирное время жизнь тех, кто, не жалея сил, самоотверженно трудился над превращением Крайнего Севера в весёлый, гостеприимный край: открывал его неисчислимые богатства за Полярным кругом, строил города, пристани, шахты, заводы. Теперь, во время войны, я увидел, как вся эта могучая энергия была брошена на защиту родных мест, как мирные завоеватели Севера стали неукротимыми защитниками своих завоеваний. Мне могут возразить, что в каждом уголке нашей страны произошло то же самое. Конечно, да, но суровая обстановка Крайнего Севера придала этому повороту особенный, глубоко выразительный характер.

Незабываемые впечатления тех лет лишь в небольшой степени вошли в мой роман, и, когда я перелистываю свои старые блокноты, мне хочется

О замечательных достижениях советской науки, о трудах академика Лысенко и его помощников и учеников рассказывает книга Геннадия Фиша «Советская быль».

Вы узнаете из этой книги, как удалось советским учёным и колхозникам победить злого врага колхозных полей — вредную черепашку, как в тяжёлые дни блокады Ленинграда благодаря героизму и мужеству ленинградских учёных были спасены лучшие в мире коллекции семян зерновых культур, картофеля и кок-сагыза и как простой колхозник, в прошлом кочевник и батрак, Чаганак Берсиев собрал невиданный в мире урожай проса.

Прочитайте эту весёлую книжку о любознательных школьниках, которые задумали вывести цыплят в самодельном инкубаторе. Немало хлопот и труда это им доставило. Но дружба, упорство и настойчивость помогли ребятам добиться цели и вывести весёлую пушистую семейку.

Повесть Н. Жданова «Морская соль» рассказывает о будущих отважных моряках, нахимовцах. Она уже печаталась в журнале «Пионер». Теперь эта повесть вышла в Государственном издательстве детской литературы.

Повесть В. Игишева «Мастера идут в лаву» рассказывает о том, с каким энтузиазмом восстанавливают горняки разрушенные шахты, как работает в шахтах молодёжь, как помогают молодым рабочим старые шахтёры. Вы прочтёте в этой книге о замечательном организаторе — коммунисте Иване Матвеевиче Саенко, о знаменитой стахановке-забойщице Даше, о комсорге Наде, об ученике ФЗО Никите и о многих других чудесных людях.

Книга геолога К. Зеленова «Золотой ручей» поможет вам в путешествиях и походах по родному краю. Вы узнаете, как много ценного и полезного можно найти вокруг своего лагеря, города, деревни. Надо только быть наблюдательным, уметь видеть то, мимо чего вы проходите каждый день.

приняться за давно задуманную книгу, посвящённую истории советского моряка.

Я перечитал своё письмо и убедился в том, что мне не удалось ответить на огромное, подавляющее большинство ваших вопросов: кто послужил прообразом Николая Антоновича? Откуда взял я Нину Капитоновну? В какой мере правдиво рассказана история любви Сани и Кати?

Чтобы ответить на эти вопросы, мне следовало бы хоть приблизительно взвесить, в какой мере в создании той или другой фигуры участвовала реальная жизнь. Но по отношению к Николаю Антоновичу, например, взвешивать ничего не придётся: лишь некоторые черты его внешности изменены в моём портрете, изображающем совершенно точно директора той московской школы, которую я окончил в 1919 году. Это относится и к Нине Капитоновне, которую ещё недавно можно было встретить на Сивцевом Вражке, в той же зелёной безрукавке и с той же кошёлкой в руке. Что касается любви Сани и Кати, то мне был рассказан лишь юношеский период этой истории. Воспользовавшись правом романиста, я сделал из этого рассказа свои выводы — естественные, как мне казалось, для героев моей книги.

Вот случай, который хотя и косвенным образом, но всё же отвечает на вопрос, правдива ли история любви Сани и Кати.

Однажды я получил письмо из Орджоникидзе. «Прочтя ваш роман,— писала мне некая Ирина Н.,— я убедилась в том, что вы тот человек, которого я разыскиваю вот уже восемнадцать лет. В этом меня убеждают не только упомянутые в романе подробности моей жизни, которые могли быть известны только вам, но места и даже даты наших встреч — на Триумфальной площади, у Большого театра...» Я ответил, что никогда не встречался с моей корреспонденткой ни в Триумфальном сквере, ни у Большого театра и что мне остаётся только навести справки у того полярного лётчика, который послужил прообразом для моего героя. Началась война, и эта странная переписка оборвалась.

Ещё один случай вспомнился мне в связи с письмом Ирины Н., которая невольно поставила полный знак равенства между литературой и жизнью. Во время ленинградской блокады, в суровые, навсегда памятные дни поздней осени 1941 года, Ленинградский радиокомитет обратился ко мне с просьбой выступить от имени Сани Григорьева с обращением к комсомольцам Балтики. Я возразил, что хотя в лице Сани Григорьева выведен определённый человек, лётчик-бомбардировщик, действовавший в то время на Центральном фронте, тем не менее это всё-таки литературный герой.

— Мы это знаем,— был ответ.— Но это ничему не мешает. Говорите так, как будто фамилию вашего литературного героя можно найти в телефонной книжке.

Я согласился. От имени Сани Григорьева я написал обращение к комсомольцам Ленинграда и Балтики — и в ответ на имя «литературного героя» посыпались письма, содержавшие обещание бороться до последней капли крови и дышавшие уверенностью в победе.

Мне хочется закончить своё письмо словами, которыми по просьбе московских школьников я пытался определить главную мысль своего романа: «Куда шли мои капитаны? Вглядитесь в следы их саней на ослепительно-белом снегу! Это рельсовый путь науки, которая смотрит вперёд. Помните же, что нет ничего прекраснее, чем этот тяжёлый путь. Помните, что самые могущественные силы души — это терпение, мужество и любовь к своей стране, к своему делу».

В. Каверин

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: картина Я. Титова „Волейбол"

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 28/VI—49 г. Изд. № 469 82 × 110. 1/16 бум. листа.
А — 05279 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58 000. Заказ 1528.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Пользуйся отдыхом в пионерском лагере, чтобы укрепить здоровье!

Заманчивые прогулки, интересные походы, весёлое купанье, спортивные игры, чудесные вечера у костра — вся жизнь в лагере построена так, чтобы сделать тебя бодрым и жизнерадостным, выносливым и трудоспособным.

Не напрасно учат тебя рано вставать, делать зарядку, обтираться или обливаться водой, заниматься спортом.

Не сиди в закрытом помещении. Всё время проводи на воздухе. Не злоупотребляй пребыванием на солнцепёке. Если врач тебе разрешил, принимай солнечные ванны и купайся вместе со всеми ребятами.

Купаясь, двигайся побольше, учись плавать. При появлении озноба немедленно выйди из воды и подвигайся, чтобы согреться.

Работай в саду, в огороде, в поле. Физический труд полезен для здоровья и доставляет удовольствие.

Не ешь неизвестных тебе или незрелых плодов и ягод.

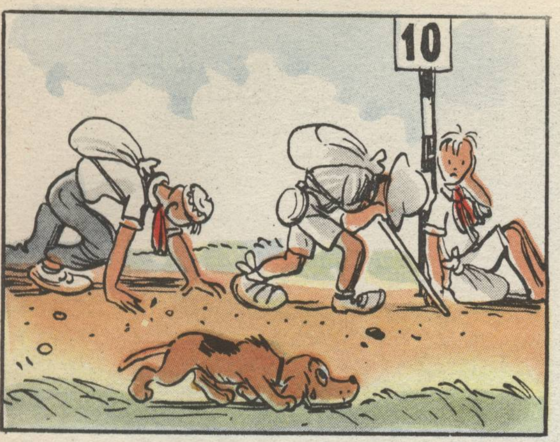
Заботься о чистоте и о порядке в лагере. Береги насаждения!

Хорошие привычки, приобретённые в лагере, постарайся сохранить на всю жизнь!

Центральный институт санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР

Цена 2 руб. 50 коп.

Текст А. Некрасова
Рис. В. Сутеева

1. Чудесный день. Четыре друга
С утра отправились в поход.
Но поначалу что-то туго
Их путешествие идёт!

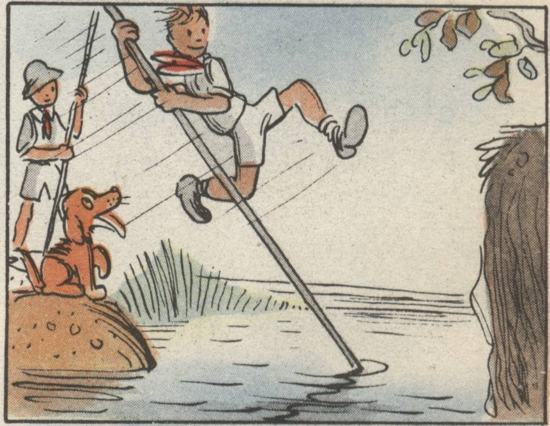
2. Они и так едва шагают,
А тут преграды на пути...
Друзья друг другу помогают
Над страшной пропастью пройти.

3. Вступают робко в глушь лесную,
Оглядываясь и дрожа,
И разбежались врассыпную,
Увидев грозного... ежа!

4. Но от походов крепнут ноги,
Смелей становится душа.
И больше нестрашны дороги,
И в дождь погода хороша.

5. А если на пути преграда,
Отбросив страх, не жмуря глаз,
Герои наши даже рады
Поток перескочить подчас.

6. И вот, в лесу разбив бивак,
Зажгли костёр, расселись важно.
И собралась толпа зевак
Взглянуть на путников отважных.